

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3 (93)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1965

ДРЕВНЕЙШИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК КАВКАЗА*

Интерпретируемая нами надпись найдена в 1960 г. в двух км от г. Майкопа, на хуторе Северо-Восточные Сады. На приусадебном участке гр-на Вишневого, что расположен по Садовой улице, при углублении ямы для нового, взамен подгнившего столба, были обнаружены камни, на одном из которых вырезаны непонятные знаки¹.

Сын гр-на Вишневого Григорий, учащийся средней школы, принес этот камень со знаками школьному учителю истории В. И. Сохрякову, который хранил его у себя до осени 1962 г., когда он передал его в Адыгейский научно-исследовательский институт в г. Майкопе, археологу А. П. Дитлеру. В начале 1963 г. А. П. Дитлер ознакомил с памятником ленинградского кавказоведа Л. И. Лаврова, после чего камень был отвезен Л. И. Лавровым в Ленинград для показа специалистам по древним письменностям². Осенью 1963 г. благодаря любезности Л. И. Лаврова мы имели возможность ознакомиться с этим памятником и приступить к его изучению.

На камне оказалась надпись, выполненная псевдоиероглифическим библским письмом несколько своеобразной формы. Мы полагаем именовать этот извод (вариант) псевдоиероглифического письма колхидским.

Памятники библского псевдоиероглифического письма впервые были найдены при раскопках Библа в 1929 г. археологом Морисом Дюнаном³. Псевдоиероглифическая письменность Библа засвидетельствована двумя хорошо сохранившимися бронзовыми табличками, одной поврежденной, тремя фрагментами каменных плиток и четырьмя бронзовыми сакральными лопаточками (спатулами). Памятники датируются согласно археологическим данным началом II тыс. до н. э. (примерно 1900—1700 гг.).

Псевдоиероглифическая письменность памятников Библа была дешифрована Эдуардом Дормом в 1946 г.⁴, работу которого продолжил Антон Ирку⁵.

Предложенное Дормом и развитое Ирку чтение псевдоиероглифического библского письма не получило еще в науке полного признания, однако наша надпись, столь далеко отброшенная от центра зарождения письма, основательно поддерживает выводы Э. Дорма и А. Ирку. Это особенно важно отметить и потому, что надпись, будучи выполнена, по нашему мнению, на одном из кавказских языков, расширяет ареал распространения и использования псевдоиероглифического библского письма.

Псевдоиероглифическое библское письмо первоначально было слоговым, но уже довольно рано слоговые знаки в соответствии с особенностью семитических языков

* От редколлегии ВДИ. Публикуя настоящую статью Г. Ф. Турчанинова, редколлегия ВДИ считает необходимым ознакомить широкие круги ученых с загадочной надписью, дешифровка которой представляет задачу чрезвычайно сложную. Редколлегия надеется, что публикация надписи вызовет отклики других специалистов.

¹ На других камнях, которыми был забутован столб, как сообщил нам археолог А. П. Дитлер (Адыгейский НИИ), никаких знаков не оказалось.

² Эти сведения почерпнуты из статей В. П. Пачулиа (газ. «Адыгейская правда» от 22.XII.1963 г., № 254 (8674) и абхазск. журн. «Алашара», № 6, 1963, стр. 92—93), которые были присланы нам их автором. Пользуемся случаем выразить здесь ему нашу признательность.

³ M. D u n a n d, *Byblia Grammata. Documents et recherches sur developpement de l'écriture en Phénicie. République Libanaise. Ministère de l'Education Nationale et Beaux-Arts. Direction des Antiquites. Études et Documents d'Archéologie. II, Beyrouth, 1945* (далее — DBGr., а также D u n a n d (по Diringer'y)).

⁴ E. D o r m e, *Déchiffrement des Inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos, «Syria», XXV, 1—2, 1946—1948, стр. 1—35; он же, Communication déchiffrement des Inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos, CRAI, 1946, стр. 360—365 и 472—479.*

⁵ A. I r k u, *Wortschatz und Grammatik des gublitischen Inschriften, ZDMG, 102, 1952, стр. 201—214* (у нас в табл. IV: Iirku).

потеряли свою слоговость, перестали строго различаться и употреблялись только с учетом обозначаемых ими согласных. Считается почти несомненным, что псевдоиероглифическое библское письмо послужило основой для создания в середине II тыс. до н. э. финикийского линейного письма, ибо все без исключения знаки этого письма имеют свои прототипы во псевдоиероглифике⁶.

Некоторое время финикийское псевдоиероглифическое и финикийское линейное письма сосуществовали. Имеются памятники, в которых налицо буквы обоих писем, например, спатула 'Азрубала. Есть несколько линейных букв и в нашей надписи. К концу II тыс. до н. э. линейное письмо, как более простое и доступное, вытеснило псевдоиероглифическое.

Памятников псевдоиероглифического библского письма за пределами Библии до сих пор обнаружено не было, тем самым интерпретируемая нами кавказская находка оригинального извода этого письма приобретает исключительное культурно-историческое и научное значение.

Совершенно естественно, что обстоятельства, при которых стало известно миру псевдоиероглифическое библское письмо, и обстоятельства, при которых был обнаружен наш памятник этого письма, исключают вопрос о возможности подделки кавказской находки.

1. *Внешний вид памятника.* Находка представляет собой плитку мелкозернистого светло-серого расщепленного бурными пятнами кварцита. Форма камня: неправильный, обращенный нисходящим углом вправо, треугольник (см. фото). По вертикали, в самой широкой части, размер камня достигает 20 см, в самой узкой — 2 см. По горизонтали, у основания, размер камня = 22 см. Площадь поверхности камня ≈ 220 кв. см. Толщина куска в среднем 4—5 см. Лицевая поверхность камня, на которой вырезаны знаки, фигуры и линии, относительно гладкая. Тыльная сторона камня носит следы грубого скола. Лицевая сторона плитки патинизировалась, цвет ее более темный, чем цвет тыльной стороны. Предварительной разведкой, произведенной в декабре 1963 г. на месте и вблизи находки плитки, установлено, что порода камня, на котором вырезана надпись, — местная.

Уже с первого взгляда на заполненную знаками, фигурами и линиями поверхность камня можно заключить, что мы имеем дело не с фрагментом, а с законченным произведением графики. Резчик использовал для надписи кусок камня в его естественной или почти естественной форме.

Центральная часть интерпретируемого нами графического произведения занята фигурами, которые не вмещаются в знаки псевдоиероглифического библского письма. Здесь, как можно предполагать, воспроизведен то ли чертеж города, то ли оттиск с царской печати, не исключающий наличия в нем пиктограмм. Исследование этой части камня лежит в будущем.

Центральная часть памятника отделена от других его частей, размещенных вправо, внизу и влево, глубоко врезанными линиями на шесть неодинаковой величины частей, именуемых нами в дальнейшем условно сегментами. Надпись размещена внутри упомянутых шести сегментов (см. фотографии). Счет сегментов надписи мы ведем справа налево.

По месту находки памятника надпись названа нами Майкопской, а по особенностям письма — Кодхидской.

2. *Интерпретация графической стороны надписи.* Сопоставление букв Майкопской надписи колхидского письма с буквами памятников собственного псевдоиероглифического библского письма имело в нашем исследовании несколько этапов⁷.

⁶ И. Ш. Ш и ф м а н, Финикийский язык, М., 1963, стр. 15—16, табл. стр. 17.

⁷ В процессе работы, которая велась по пластилиновому эстампажу, нам неоднократно приходилось обращаться к подлиннику в целях уточнения той или иной детали, снимать с отдельных букв оттиски на фольгу, проверять *habitus* букв под лупой. Работа над графической стороной памятника велась параллельно с интерпретацией текста памятника. Буквы подсказывали текст, текст корректировал буквы.

МАЙКОПСКАЯ НАДПИСЬ КОЛХИДСКОГО ИЗВОДА ПСЕВДОИ

ТАБЛ. I ЕДИНИЧНЫЕ БУКВЫ НАДПИСИ (В ПОРЯДКЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ИХ В ТЕКСТЕ).

№№ букв на эстамп.	habitus букв	финикийск. значение букв	Колхидское значение букв	№№ букв на эстамп.	habitus букв	финикийск. значение букв	Колхидское значение букв	№№ букв на эстамп.	habitus букв	финикийск. значение букв	Колхидское значение букв
1		j ₁	i	23		c(s)	c	37		'	g
2		z ₁	z	26		k ₂	k	40		h	h
3		t	t	27		—	n	41		n	n
4		—	h	28		š ₁	š	42		z	dz
5		d	d	29		w ₃	u	43		k ₂	k
11		b ₁	b	35		n ₁	n	44		n ₁	n
22		l ₂	l	36		b	b				

ТАБЛ. II Лигатуры и буквенные соединения надписи (в порядке размещения их в тексте).

№№ букв и знаков на эстамп.	habitus лигатур и соединений	буквы и знаки, входящие в лигатуры и соединен.	финикийск. значение букв и знаков	Колхидс. значение букв и знаков	№№ букв и знаков на эстамп.	habitus лигатур и соединений	буквы и знаки, входящие в лигатуры и соединен.	финикийск. значение букв и знаков	Колхидс. значен. букв и знаков	№№ букв и знаков на эстамп.	habitus лигатур и соединений	буквы и знаки, входящие в лигатуры и соединен.	финикийск. значение букв и знаков	Колхидс. значение букв и знаков
6			h	h	15			t ₄	t	30			' ₂	g
7			—	детерм. см. табл. III	16			b ₁	b	31			w	o(u)
8			m ₃	m	18			h	h	32/33			цифра, см. ниже.	
9			r ₁	r	19			z ₁	z	34			k ₂	k
10			n	n	20			—	w	32			20(10+10)	20
13			'a	a	21			t ₃	t	33			1(один)	1(один)
14			h	a	24			m ₃	m	38			—	детерм. см. табл. III
					25			z ₃	z	39			—	n

ТАБЛ. III ДЕТЕРМИНАТИВЫ МАЙКОПСКОЙ НАДПИСИ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДЕТЕРМИНАТИВАМИ ХЕТТСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА).

Рис. 1 — «ЦАРЬ», сравн. хеттск. иероглифич. , вар. — id.

Рис. 2 — «ГОРОД», сравн. хеттск. иероглифич. — id.

Рис. 3 — «ПРАВИТЕЛЬ», сравн. хеттск. иероглифич. , вар. — id.

Рис. 4 — «СТРАНА», сравн. хеттск. иероглифич. , вар. — id.

Примеч.: детерминативы 1 и 4 даются вне лигатур, см. табл. II.

ЕРОГЛИФИЧЕСКОГО БИБАСКОГО ФИНИКИЙСКОГО ПИСЬМА

ТАБЛ. IV Буквы и цифры Майкопской надписи в сопоставлении с буквами и цифрами древнейших памятников псевдоиероглифического библского и линейного финикийских писмен.

Буквы в рубриках 1,2,3,4 и 5 размещены в порядке букв семитического алфавита; цифра в верхнем углу квадрата, слева, указывает на № буквы или цифры на эстампаже Майконской надписи. См. рис. 2. Сокращения источников см. в списке литературы.

1 Буквы и цифры Майкопской надписи, имеющие сходный <i>habitus</i> и занимающие сходное положение в строке, что и в псевдоиероглифическом и линейном финикийских письменах.														
Майкопск.	¹⁶	⁶	⁷⁴	³¹	⁴³	³⁴	²²	⁴¹	⁹	²⁸	³	¹⁵	³³	всего 12 букв и 1 цифра
финикийс.														
Источник:	D.B.Gr. рл.8, ф.26	D.B.Gr. рл.8, ф.26	Jb. dem.	D.B.Gr. рл.9, ф.28	D.B.Gr. рл.9, ф.28	D.B.Gr. рл.9, ф.28	D.B.Gr. рл.9, ф.28	D.B.Gr. рл.11, ф.32	D.B.Gr. рл.8, ф.26	D.B.Gr. рл.10, ф.2	Akiram	DBGr. рл.8, ф.26	D.B.Gr. рл.9, ф.28	

2 Буквы Майкопской надписи, имеющие сходный <i>habitus</i> с псевдоиероглифическими и линейными финикийскими буквами, но занимающие зеркальное положение в строке.													
Майкопские	¹⁸ 	⁴⁰ 	²⁹ 	² 	¹⁹ 	¹ 	²⁶ 	¹⁰ 	³⁷ 	³⁰ 	²³ 	^e 	Всего 11 букв
Финикийские													
Источник:	Ahiram	Ahiram	D.B.Gr. pl. 12, f. 34 Jrku. 205	D.B.Gr. pl. 10, f. 2	D.B.Gr. pl. 9, f. 28	D.B.Gr. pl. 10, f. 2	D.B.Gr. pl. 9, f. 28	D.B.Gr. pl. 11, f. 32 pl. 9, f. 28	D.B.Gr. pl. 8, f. 26	D.B.Gr. pl. 9, f. 28	Jehimilk		

<u>3</u> Буквы Майкопской надписи, имеющие сходный <i>habitus</i> с псевдоиероглифическими и линейными финикийскими буквами, но занимающие необычное положение в строке.										
Майкопские	¹³ 	¹¹ 	³⁶ 	⁵ 	⁴² 	⁸ 	²⁴ 	²¹ 		
Финикийские										
Источник:	D.B.Gr. pl.19, f.32	D.B.Gr. pl.8, f.26.	Ahram	Dunand no Diring	D.B.Gr. pl.12, f.f.31	D.B.Gr. pl.8. f.26	Жб. dem.	D.B.Gr. pl.8, f.28		

4 Буквы и цифры Майкопской надписи, <u>варьированные от <i>habitus</i>'а</u> букв псевдоиероглифического и линейного финикийских писмен и <u>занимающие различное положение в строке</u> .						
Майкопские	²⁵ 	³⁵ 	⁴⁴ 	³² 		
финикийские		^{Z₃} 	^{n₁} 	^{n₁} 	^{20ⁿ} 	
Источник:	D.B.Gr. рл.13,1, ф.27а	D.B.Gr. рл.8, ф.26	ib. dem.	Линейное Z-20 общезвест.		

Всего 3 буквы и 1 цифра

5 Буквы Майкопской надписи, относимые к собственно колхидскому письму.	20 w^k	4 h^k	27 n^k	39 n^k	Всего 4 буквы
---	---	--	---	---	----------------------

В процессе изучения надписи выяснились такие ее особенности, как то, что часть букв надписи дана писцом в простейших соединениях и лигатурах⁸, что обращенность букв в сравнении с положением их в памятниках, найденных в Библе, кодифицирована по-своему, и кодификация эта достаточно устойчива, что буквы при общности дукта иногда имеют свой местный *habitus*, несколько отличающийся от типических форм в надписях, найденных на территории Библа, что в надписи встречаются по крайней мере три буквы, не засвидетельствованные в ранее известных нам памятниках собственного псевдоиероглифического библского письма, и что в ней имеются несколько детерминативов того же типа и значения, что и детерминативы в хеттском иероглифическом письме.

Мы полагаем, что эти особенности Майкопской надписи представляют собой особенности колхидского письма.

Как и памятники псевдоиероглифического письма из Библа, Майкопскую надпись следует читать справа налево. Это подтверждает последняя строка надписи в шестом сегменте (см. буквы № 43 и 44 на фото с эстампажа). Внутри сегментов знаки размещаются иногда в две и три строки. Одно дополнение к строке текста первого сегмента дано снизу вверх, другое по горизонтали, под строкой этого текста. Начиная с третьего сегмента, надпись вырезалась писцом частями снизу вверх, кроме шестого сегмента. Для того чтобы правильно прочесть строки шестого сегмента, камень нужно повернуть на 90° против часовой стрелки. Изучение знаковой стороны надписи было направлено прежде всего на то, чтобы выделить из общей массы знаков надписи те, которые стоят вне соединений и лигатур. Они составили группу, включающую 20 буквенных и 2 небуквенных знака (см. табл. I и III, рис. 2 и 3).

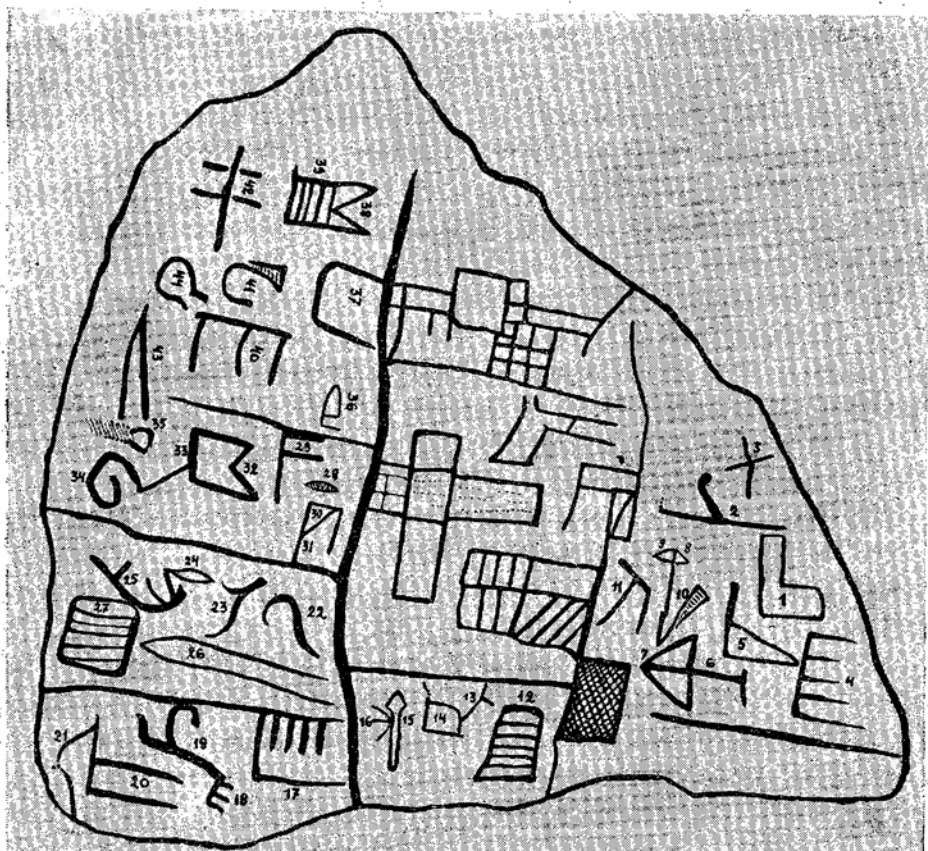
Группа нелигатурных и несоединенных знаков надписи облегчила раскрытие соединений и лигатур. Соединения и лигатуры читаются справа налево и сверху вниз. В соединениях и лигатурах оказалось 4 небуквенных знака и 18 букв, которые либо повторяли уже наличные в группе нелигатурных и несоединенных знаков, либо давали новые. Соединения и лигатуры составили вторую группу знаков. Они с полной очевидностью показывают нам, как писавший строил эти начертания (см. табл. II).

Любопытно отметить, что два личных имени надписи из трех даны в лигатурах. Это как бы монограммы, понять которые нетрудно по наличным при них детерминативам. По-видимому, такое написание личных имен и, вероятно, только определенных, было в колхидской письменности типичным.

После того как были выполнены указанные выше работы, явилась возможность определить знаковый состав надписи в целом и подсчитать ее буквенные знаки. Первых в надписи оказалось 38 (см. табл. IV), вторых 6 (см. табл. III и IV, 1, 4). Из небуквенных знаков 4 трактуются нами как детерминативы, связанные своей формой и значением с хеттским иероглифическим письмом (см. табл. III), а 2, образующие число 21, как цифры библского письменного счета (см. табл. IV, 1, 4).

Изучение знаковой стороны надписи в ее отношении к псевдоиероглифическому библскому письму позволило нам установить, что в надписи, кроме знаков собственного псевдоиероглифического письма, имеется несколько букв финикийского линейного письма и 3 буквы (из них одна повторяется дважды), не встречающиеся в этих письменах. Определилось, что 12 букв и знак числа «1» Майкопской надписи имеют ту же форму и положение в строке, что и буквы финикийского псевдоиероглифического и линейного письма, 11 букв в их отношении к финикийской псевдоиероглифике и буквам линейного финикийского письма представлены зеркально, 8 занимают своеобразное положение в строке, а 3 и цифра «20» даже частично отличаются от букв финикийского письма своей формой (см. табл. IV).

⁸ Под буквенными соединениями мы разумеем такие сочетания, в которых отдельные буквы, образующие фигуру, могут быть выделены без малейшего усилия. В лигатуре же, напротив, это усилие требуется, ибо буквы соединены так, что по меньшей мере один, а иногда и два штриха одной буквы являются штрихами другой.

Фотография эстампажа Майкопской надписи (1/2 натуральной величины)

Тот факт, что в надписи кроме трех букв, именуемых нами буквами собственно колхидского письма, и кроме букв, имеющих непосредственное отношение к знакам псевдоиероглифического библского письма, оказались использованы 4, может быть, 5 букв финикийского линейного письма архаичной формы, представляется весьма существенным. Этот факт имеет значение в определении датировки памятника.

Детерминативы Майкопской надписи колхидского письма по своей форме мало чем отличаются от хеттских иероглифических, а по значению в нашей интерпретации текста Майкопской надписи полностью совпадают с ними.

Наличный в первом сегменте надписи детерминатив «царь», после того как мы освободили его от выступающего с ним в лигатуре в функции комплемента знака, аналогичного букве *h* библского псевдоиероглифического письма, приобрел форму, засвидетельствованную в табл. III, рис. 1. Эта фигура детерминатива представляет собой вариант хеттской иероглифической фигуры «царь», известной и в хеттских памятниках⁹, ибо «лежачее» положение фигуры детерминатива в Майкопской надписи не приходится брать во внимание. Как мы уже указывали выше, направленность и положение знаков в Майкопской надписи имеет свою кодификацию.

⁹ E. L a r o c h, Les hiéroglyphes hittites. Première partie. L'écriture. P., 1960 (далее — ЛНН), стр. 10.

Мало чем отличается от хеттского иероглифического по своей форме и детерминатив «города». Этот детерминатив в Майкопской надписи, как видно по его фигуре во втором сегменте, тупоконечен (см. табл. III, рис. 2), в то время как в хеттской иероглифике его вершина либо остра, либо немного закруглена. В Майкопской надписи детерминатив по своему рисунку весьма напоминает кавказскую боевую башню.

Детерминатив в третьем сегменте надписи интерпретируемый нами в значении «правитель», имеет в памятнике три столбика на основании, как это в хеттском (см. табл. III, рис. 3), притом ввиду их истертости не ясно, доходили ли они до основания. Поскольку в самом хеттском иероглифическом письме в фигуре детерминатива «правитель» также наблюдаются иногда отклонения в ту или иную сторону (ЛНН, 209), мы считаем некоторое отличие в фигуре детерминатива «правитель» Майкопской надписи по сравнению с хеттской явлением локальным.

И, наконец, детерминатив «страна». В Майкопской надписи он представлен вариантом той же формы, что и в хеттской иероглифике (ЛНН, 125; см. табл. III, рис. 4). Находящийся под этой фигурой знак в виде ребристого квадрата является в нашей интерпретации буквой колхидского письма, выражающей консонантную основу слова «страна». В данном случае мы имеем дело с так называемым смешанным написанием. Детерминативу придано фонетическое звучание на языке надписи, который рассматривается нами в следующей статье.

Наличие в нашей надписи детерминативов, заимствованных из хеттской иероглифики, свидетельствует о том, что у народа, памятником культуры которого является надпись, существовали связи не только с Финикией, но и с Хеттским царством. Что хеттская иероглифическая детерминация была принесена сюда, на Кавказ, вместе с псевдоиероглифическим библским письмом как дополнительный компонент этого письма, возникший в его недрах вне Кавказа, маловероятно. Во всяком случае мы пока что не находим реального подтверждения такого предположения. Полагаем, что хеттская иероглифическая детерминация была внесена в колхидское письмо самостоятельно (на этом мы остановимся в следующей статье).

Майкопская надпись рассматривается нами как надпись, теснейшим образом связанная с псевдоиероглифическим библским письмом. То, что ее буквы в некоторых случаях палеографически отличаются от букв псевдоиероглифики, не устраняет нашего утверждения, а усложняет его.

Майкопская надпись пока что является единственным памятником библской псевдоиероглифики, найденным за пределами древнего Библа. Количество надписей, обнаруженных на территории самого Библа, как мы уже говорили, невелико. Эти надписи выполнены на различном материале: камень, металл. Различие материала создает различие в форме букв. Все это делает работу над палеографическим изучением Майкопской надписи весьма затруднительной, имея в виду, что надпись является изводом, а не копией псевдоиероглифического библского письма. В нашем исследовании Майкопской надписи мы предпочитаем поэтому идти преимущественно по пути общего сопоставления форм ее букв с буквами памятников, найденных на территории Библа.

Сохранность каменной плитки, на которой вырезана Майкопская надпись, в целом можно назвать исключительной. Этой сохранностью она безусловно обязана тому обстоятельству, что пролежала без движения тысячелетия в земле в каких-то исключительных условиях, которые, к сожалению, нам неизвестны. Время разрушило поверхность камня весьма незначительно — лишь кое-где рисунок неглубоко врезанных знаков надписи стал менее рельефным, а «каналы» некоторых букв расширились или, если они проходили близко друг к другу, слились воедино.

К нашему счастью, таких мест в надписи немного. Из 38 букв надписи в той или иной мере пострадали только 7. Расширение «каналов» и стертость или повреждение элементов букв отмечены нами на фотографии эстампажа надписи штриховкой или пунктиром.

Большое количество буквенных соединений и лигатур (в них заключено около половины всех букв надписи) нельзя ставить в зависимость только от недостаточности места на поле надписи. Соединения и лигатуры свидетельствуют о том, что письмо

для народа, представителем которого был писец, не являлось случайным фактом, а было непрерывным элементом его жизни.

Культура письма была у этого народа достаточно высока. Письмо всегда предполагает читателя, а чтобы умозрительно выделить из соединения или лигатуры письма те или иные буквы, его нужно хорошо знать и понимать.

Писавший надпись, кроме того, как мы покажем ниже, пользовался приемом *matres lectionis*, т. е. заменял долгие гласные а, і, о, у соответственными согласными¹⁰.

Лигатуры и простейшие буквенные соединения начинаются в надписи с первых же ее строк. В первом сегменте надписи имеются две лигатуры. Одна из них представляет сочетание букв m_3g_1 и п, вторая сочетание буквы h с детерминативом¹¹.

Соединяя букву m_3 с буквой g_1 , писец придает m_3 своеобразную форму в сравнении с аналогичной m_3 в собственном псевдоиероглифическом письме. Он вырезает ее в горизонтальном положении в виде «миндалины». Это положение для m_3 у него является нормой, ибо он также вырезает ее и в четвертом сегменте. С палеографической стороны «горизонтальное» m_3 нашей надписи следует сравнивать с «вертикальным» псевдоиероглифического библского письма в лапидарной надписи¹². Этот знак хорошо воспроизведен А. Ирку в его таблице в качестве дублета к m_3 ¹³. Вырезав m_3 в форме «миндалины», писец делит ее на две почти равные части вертикальным штрихом. Одна, правая часть «миндалины», становится носителем знака m_3 , другая, левая, — «головкой» буквы g_1 , обычной для псевдоиероглифического письма формы, стержень которой опущен вниз (см. у нас табл. IV, 1, буква 9).

Заметим, что «стержень», на котором покоится «головка» буквы g_1 , опускается вниз только на $\frac{2}{3}$ всей вертикальной линии. Нижняя часть вертикальной линии или «стержня» отходит немного влево. Это уже «стержень» не g_1 , третьей буквы в лигатуре, которой является п. Часть буквы п, которая смотрит вправо и вверх, сильно расширена. Расширение произошло за счет разрушения «перемычки» между «каналами». На фотографии эстампажа это место восстановлено штриховкой.

В палеографическом отношении п нашей надписи ближе всего находит себя в п псевдоиероглифического письма лапидарной надписи¹⁴, если ее представить себе зеркальной и не с закругленным основанием, а острым, как то у большинства п в надписи на бронзовой табличке¹⁵.

В целом лигатура из букв m_3g_1 и п образует слово m_3g_1n (см. табл. II). Эта лигатура является монограммой личного имени царя.

Вторая лигатура первого сегмента надписи из соединения буквы h и детерминатива «царь» значительно проще. Нам представляется, что писец выполнил ее одним приемом, умозрительно наложив детерминатив на фигуру буквы h, часть которой видна справа. Псевдоиероглифическое библское h здесь типично и не нуждается в ком-

¹⁰ Об употреблении этого приема передачи долгих гласных в псевдоиероглифическом библском письме см.: D h o r m e, *Déchiffrement des Inscriptions...*, стр. 13 слл.

¹¹ Цифры при буквах обозначают, что в группировке знаков по вокализации мы следовали принципу, намеченному Э. Дормом, хотя слоговость письма в нашей надписи, как это выяснилось из ее анализа, совершенно разрушена. Это удобно технически, да и кто знает, может быть в будущем этот прием окажется полезным и прольет какой-либо свет на вокализацию нашей надписи. Сравнительная грамматика кавказских яфетических языков находится в ряде случаев на том этапе разработки учения о древнейшем периоде вокализации (и консонантизации) этих языков, когда делать какие-либо определенные выводы для весьма отдаленного времени еще невозможно.

¹² DBGr., табл. 8, рис. 26, седьмая строка, четвертый знак слева. У нас табл. IV, 3, буквы 8 и 24.

¹³ I i r k u, ук. соч., стр. 205.

¹⁴ DBGr., табл. 11, g, рис. 32, вторая строка, третий знак сверху. У нас табл. IV, 2, буква 10.

¹⁵ DBGr., табл. 9, рис. 28, п последней строки обор. стор. табл. У нас табл. IV, 2, буква 10.

ментариях (см. у нас табл. IV, 1, буква 6). Какой представляется нам эта лигатура по ее разложению, видно на табл. II.

Во втором сегменте надписи после детерминатива «город» оказываются подряд одна лигатура и одно простейшее буквенное соединение. В лигатуре к обращенной вниз «чашеобразным раствором» псевдоиероглифического библского письма букве 'а¹⁶ пригнана несколько расширенная, находящаяся почти в обычном для нее положении псевдоиероглифического библского письма буква h, а в буквенном соединении к «стержню копьеобразной» t₄ слева, вплотную приставлена своим изгибом буква b₁. Все три буквы типичны в такой форме и положении для псевдоиероглифики¹⁷.

Лигатура и простейшее буквенное соединение второго сегмента образуют вместе буквенный ряд 'ah₁b₁, в котором лигатура 'ah является монограммой личного, как мы полагаем царственного имени, положенного в основу названия города.

В третьем сегменте надписи, после детерминатива «правитель», левее и ниже его, мы сталкиваемся с двумя двухбуквенными соединениями. Первое состоит из обращенной вправо финикийского линейного письма h, по величине по сравнению с другими буквами этого сегмента весьма небольшой (см. у нас табл. IV, 2, буква 18), и вплотную примыкающей к ней слева зеркальной букве z₁, типичной для псевдоиероглифического библского письма¹⁸, второе, помещенное в самом углу камня, состоит из букв w и t₃. Буква w поставлена на «развилку», обращенную раствором вправо. Мы полагаем эту w относить к собственно колхидскому письму, именуя ее w_к, т. е. w колхидская (см. у нас табл. IV, 5, буква 20). Происхождением своим она явно связана с псевдоиероглифической библской w₃, отмеченной А. Ирку в качестве второго знака в его таблице (см. у нас табл. IV, 2, буква 29). Буква t₃ присоединена к w_к только одним верхним изгибом «дуги». Для псевдоиероглифического библского письма такое положение t₃ необычно. Эта буква во всех случаях обращена округлостью «дуги» с «шипом» на ней вверх¹⁹. На нашей надписи «шип» буквы незаметен. Возможно, что такое положение t₃ в Майкопской надписи являлось для колхидского письма обычным.

Буквенные соединения третьего сегмента в целом образуют ряд hz₁w_кt₃.

В четвертом сегменте в простейшем соединении даны две буквы: m₃ и z₃. Буква m₃ вырезана здесь в той же миндалевидной форме и в том же горизонтальном положении, как и в первом сегменте²⁰. К ней слева присоединена одним «зубчиком» z₃, которая в сравнении ее с типичной z₃ псевдоиероглифики не только položена и изогнута полудугой, но, более того, «зубчик» ее основания оказывается обращенным влево, а не вправо и прикрепленным к «стержню» буквы несколько выше ее конца. Чем руководствовался писец, изображая z₃ в таком оригинальном виде, догадаться трудно. Возможно, что это местный, колхидский habitus буквы²¹.

В пятом сегменте имеется две лигатуры. В правом нижнем углу сегмента в лигатуре соединены буквы зеркальная 'z₂ и w, причем так, что первая буква кажется

¹⁶ Типическую форму этой буквы см. DBGr., табл. 11, g, рис. 32, в третьей строке, буква 2 сверху. У нас в табл. IV, 3, буква 13.

¹⁷ DBGr., табл. 8, рис. 26, строка четвертая, буква 4 слева (для h); строка первая, буква 4 слева (для b₁) и строка третья, буква 4 слева (для t₄). У нас в табл. IV, 1, буквы 14, 15, 16.

¹⁸ DBGr., табл. 9, рис. 28, последняя буква первой строки обор. стор. табл. У нас в табл. IV, 2, буква 19.

¹⁹ DBGr., табл. 8, рис. 26, строка третья, буква 2. У нас в табл. IV, 3, буква 21.

²⁰ См. выше. У нас в табл. IV, 4, буква 24. Небольшое утолщение внутри «миндалины» m₃ слева — естественное. Мы указываем на эту особенность для того, чтобы букву не пытались трактовать как š₁ псевдоиероглифического библского письма (см. рис. 2).

²¹ Типическое псевдоиероглифическое z₃ см. DBGr., табл. 13, 1, рис. 27, а, строка первая, буква 5. У нас в табл. IV, 4, буква 25.

вписанной во вторую в виде треугольника, в левой верхней части ее. Обе буквы и зеркальная ϵ_2 и w для псевдоиероглифического письма типичны ²².

Вторая лигатура пятого сегмента помещена в центре его. Она представляет собой цифру, изображающую число 21. Однако прежде чем объяснить эту лигатуру, нам следует обратиться к способу обозначения цифр в финикийском линейном письме и к их вероятному изображению в псевдоиероглифическом библском.

Из дешифрованных надписей псевдоиероглифического библского письма нам известна только фигура для единицы ²³. Она по форме совпадает с двухэлементной фигурой этой цифры в европейском счете. Какой была по форме в псевдоиероглифическом библском письме цифра 10, нам неизвестно.

Ориентируясь на финикийское линейное письмо, во времени сменившее псевдоиероглифическое, мы предполагаем, что в псевдоиероглифическом письме цифра 10, при единице в форме $\uparrow$, могла иметь фигуру $\rightarrow$, как в финикийском линейном письме, при единице в форме $\downarrow$, цифра 10 имела форму $\leftarrow$.

Если наша догадка верна, то развивая далее эту мысль, можно предположить, что цифра 20 в псевдоиероглифическом письме представляла собой, как и в финикийском линейном, соединение двух десятков.

Древнейшая форма цифры 20 в финикийском линейном письме представляла собой соединение по диагонали двух параллельно лежащих десятков, т. е. имела фигуру Σ .

Можно предположить, что и в псевдоиероглифическом письме цифра 20 также образовывалась путем дублирования десятков, по способу, аналогичному с финикийским линейным письмом. Если это было так, то в псевдоиероглифическом письме фигура для 20 имела либо форму $\Rightarrow$, либо $\Leftarrow$. Последняя как раз и представлена в интерпретируемой нами Майкопской надписи. (см. табл. IV, 4, знак 32). Возможно, что такая фигура для 20 представляла особенность колхидского письма.

К этой фигуре, обозначающей 20, слева вплотную присоединена фигура цифры 1. По-видимому, писец весь цифровой комплекс 21 воспринимал как единую фигуру, отчего входящий составным элементом в единицу элемент ее в виде косой, наклонной линии слева, он выполнил позже, когда им была уже написана фигура Σ . Этой косой линией он соединил лигатуру 21 с находящейся левее ее буквой k_1 (см. ее у нас в табл. IV, 1, буква 34.)

Насколько верны наши наблюдения и соображения относительно вероятной формы для 10 и 20 в псевдоиероглифическом библском и колхидском письменах — покажет будущее. Не можем не отметить здесь того, что в этом вопросе мы нашли понимание со стороны семитолога проф. И. Н. Винникова.

В последнем, шестом сегменте надписи писец почему-то считал для себя неудобным вырезать строки при прежнем положении плитки. Он повернул камень против часовой стрелки на 90°, отчего строки надписи в этом сегменте по отношению к другим пяти, при первоначальном положении камня, оказались вертикальными.

В шестом сегменте оказывается только одна лигатура. Она помещена слева, с краю, в первой верхней строке текста. Лигатура представляет собой соединение хеттского типа детерминатива «страна» с буквой p в форме ребристого квадрата.

Буква p в этой форме в известных нам псевдоиероглифических надписях Библии не встречается. В Майкопской надписи она повторена дважды. В табл. IV, 5, буквы 27 и 39 мы обозначили ее как p_k — p колхидская. Эта буква принадлежит, по-видимому, к собственно колхидскому письму.

²² Первую в ее обычном положении см. DBG., табл. 9, рис. 28, последняя, тринадцатая, строка, буква 6 слева лицевого текста бронзовой таблички; вторую там же в четвертой строке, буквы 2 и 9 слева. У нас в табл. IV, 2, буква 30 и IV, 1, буква 31.

²³ DBG., табл. 9, рис. 28; табл. 13, 1, рис. 27; табл. 12, е, рис. 30. У нас в табл. II и IV, 1, знак 33.

Так обстоит дело с лигатурами и простейшими соединениями букв в Майкопской надписи.

Из букв, стоящих вне лигатур и буквенных соединений с палеографической стороны, далеко не все требуют обстоятельных пояснений. Так, например, буквы j_1 и z_1 первого сегмента имеют типичную форму для этих букв в псевдоиероглифическом библском письме и отличаются в нашем памятнике от них лишь своим зеркальным положением (см. у нас в табл. IV, 2, буквы 1 и 2). Имея в виду тот факт, что в собственно псевдоиероглифических памятниках зеркальность некоторых букв также имеет место²⁴, трудно сказать, представлена ли в нашей Майкопской надписи в этих случаях местная кодификация букв или это явление старое, собственно библское.

В первом сегменте с палеографической стороны представляются заслуживающей внимания t в виде четырехконечного креста. Мы полагаем эту букву рассматривать как знак линейного финикийского письма, поскольку для псевдоиероглифического t типичен «крест», в котором вертикальный штрих значительно длиннее горизонтального. Это хорошо отражено Э. Дормом в его таблице²⁵ и неудачно у А. Ирку²⁶. У последнего t выведен в виде знака «плюс».

Четвертая и пятая буквы первого сегмента по своеобразию их формы объясняются нами особо ниже. Из других букв в этом сегменте требует палеографического пояснения одиннадцатая буква надписи b_1 . В сравнении с известными нам b_1 псевдоиероглифического библского письма b_1 нашей надписи, во-первых, оказывается в необычном положении — она не только зеркальна, но в этой зеркальной форме повернута вправо, оттого ее вертикальный штрих оказывается верхним, во-вторых, при таком положении буквы средний ее штрих значительно удлинен²⁷.

Второй и третий сегменты надписи букв вне лигатур и соединений не имеют. В четвертом сегменте отдельных букв четыре. С палеографической стороны здесь рассматриваются три из них: l_2 , k_2 и n_k . Четвертая буква $c(s)$ рассмотрена особо ниже.

Буква l_2 имеет в Майкопской надписи форму, мало чем отличающуюся от l_2 в собственно псевдоиероглифическом библском письме: верхний конец ее также решительно загнут вниз и немного вправо, в стержне буквы соблюдена надлежащая кривизна²⁸.

Буква k_2 , при типичности ее псевдоиероглифической формы в нашей надписи, очень длинна и загнута острием не вверх, а вниз. По внешнему виду она весьма походит на лезвие ножа (см. у нас в табл. IV, 2, буква 26). Буква n_k типичный знак нашей надписи в виде ребристого квадрата. Она встретится еще раз в шестом сегменте. Количество горизонтальных штрихов внутри квадрата (пять — три), с нашей точки зрения, не имеет различительного значения и, как кажется, зависит от величины квадрата (см. у нас в табл. IV, 5, буквы 27 и 39).

В пятом сегменте из отдельных букв в порядке чтения следует обратить внимание на букву двадцать восьмую (см. рис. 1). $\check{s}_1$ в форме «глаза»²⁹, «зрачок» которой выпятился и она стала похожа в нашей надписи на m_3 . Значение ее установлено контекстом и поддержано тем соображением, что m_3 в Майкопской надписи выступает во всех случаях в лигатуре и в соединении, а не отдельно. Внешне на поверхности камня $\check{s}_1$ выражена слабо, но она хорошо отреагировала в оттиске на фольгу. На фотоснимке усилена.

²⁴ DBGr., табл. 9, рис. 28, строка двенадцатая, буква 2 слева (для z); табл. 11, g, рис. 32, строка третья, буква 3 сверху (для k) и др.

²⁵ D h o r m e, *Déchiffrement des Inscriptions...*, табл., стр. 4—5; DBGr., табл. 11, g, рис. 32, вторая строка, буква 5 сверху.

²⁶ I i r k u, Ук. соч., стр. 205.

²⁷ Ср. DBGr., табл. 8, рис. 26, первая строка, буква 4. У нас в табл. IV, 3, буква 11.

²⁸ DBGr., табл. 9, рис. 28, седьмая строка, буква 4. У нас в табл. IV, 1, буква 22.

²⁹ DBGr., [табл. 10, рис. 2, лиц. стор., строки 13 и 14, буквы 5 и 6. У нас в табл. IV, 1, буква 28.

Большой интерес представляет буква 29 (см. рис. 1). Этой букве мы находим графическую параллель на одной спатуле из Библа³⁰. А. Ирку в своей таблице интерпретирует эту букву как вариант w_3 , но при транскрибировании и чтении текста, как и Э. Дорм, ее опускает³¹. У нас эта буква представлена зеркально. Ее значение, так же как у А. Ирку, — waw . Финикийское происхождение этой буквы для нас несомненно.

В пятом сегменте кроме ξ_1 и w_3 (по Ирку) заслуживает внимания с палеографической точки зрения буква 35 (см. рис. 2). Контекст подсказал, что это псевдоиероглифическая π_1 зеркальной и отчасти варьированной формы, от которой в нашей надписи в приличном виде сохранилась только верхняя часть буквы. В обычной для псевдоиероглифического письма форме она засвидетельствована на стеле из Библа³². Предшествующая этой букве k_1 в подобной, достаточно типичной для нее форме, хорошо известна в псевдоиероглифическом библском письме³³.

В последнем, шестом, сегменте надписи обращает на себя внимание прежде всего линейного финикийского письма буква b (см. рис. 1, буква 36). Необычное ее положение, нам кажется, объясняется тем, что писец повернул камень для выполнения последней части надписи уже тогда, когда написал эту букву. По отношению к строкам и буквам предыдущего пятого сегмента эта буква, хотя она и зеркальная, до того как камень был повернут, имела удобочитаемое положение. В этом удобочитаемом положении буква b с палеографической стороны сопоставима с b надписи на саркофаге библского царя Ахирама (XIII—XII вв. до н. э.)³⁴ и может служить одним из аргументов в датировке интерпретируемой нами надписи. На поверхности камня буква b выражена нерельефно. На фотоснимке усилена.

Следующая в строке за b псевдоиероглифическая библская буква представляет собой зеркальную, немного угловатую и расширенную ζ , пристроенную к линии, делящей памятник на две неравные части. В своем обычном округлом виде эта буква в псевдоиероглифических надписях представлена весьма широко³⁵.

Интересна в палеографическом отношении зеркальная линейная h этого сегмента надписи. Буква h , подобная этой, налицо также в третьем сегменте в соединении с z_1 . У данной буквы h в сравнении с h третьего сегмента вертикальная черта выходит, хотя и незначительно, за горизонтальные черточки (см. у нас в табл. IV, 2, буква 40), в то время как у h третьего сегмента верхняя и нижняя горизонтальные черточки соединены с верхним и нижним концами вертикальной черты. Обе эти особенности h характеризуют h надписи Ахирама Библского (Винников, стр. 149) и, так же как h этого шестого сегмента, оказываются способными служить датировке нашей надписи.

Следующая за h буква π псевдоиероглифического библского письма имеет здесь почти ту же форму и занимает почти то же положение в строке, что и π во фрагменте

³⁰ DBGr., табл. 12, i, рис. 34, обор. стор., строка третья, 4 знак слева. У нас в табл. IV, 2, буква 29.

³¹ J i r k u, ук. соч., стр. 205, текст 9 на стр. 209, строка 7, 4 буква справа; D h o г-м е, Déchiffrement des Inscriptions..., текст на стр. 32, строка [7, 4 буква справа.

³² DBGr., табл. 8, рис. 26, строка 9, 7 буква. У нас в табл. IV, 4, буква 35.

³³ DBGr., табл. 9, рис. 28, лиц. стор., строка 4, буква 4. У нас в табл. IV, 1, буква 34.

³⁴ См. фотоснимок, транскрипцию и аргументацию в статье: И. Н. Винников, Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении, ВДИ, 1952, № 4, стр. 141—152. Здесь же литература вопроса. В табл. IV — Ahiram. Прорись в книге: Д. Дирингер, Алфавит, М., 1963, стр. 254. В нашей табл. IV, 3, буква 36.

³⁵ DBGr., табл. 9, рис. 28, строки 7 и 8; табл. 8, рис. 26, строка 7 и др. В нашей табл. IV, 2, буква 37.

одной из лапидарных надписей Библа ³⁶. Буква *z* псевдоиероглифического библского письма в этой строке (см. рис. 1, буква 42) отличается лишь тем, что она положена на бок, ибо в такой форме, но в вертикальном положении, она в псевдоиероглифическом письме известна на одной из спатул ³⁷.

Буква *k*₂ последней строки шестого сегмента (рис. 1, буква 43) в такой форме для псевдоиероглифического библского письма типична ³⁸ и отличается от нее разве лишь тем, что она немного длинна и остра.

Последняя буква шестого сегмента и надписи в целом принимается нами в соответствии с контекстом за *p*₁. Вместо продолговатой формы ³⁹ здесь мы имеем округлую. Так как округлость формы этой буквы в какой-то мере свойственна подобной *p*₁ и в пятом сегменте нашей надписи (см. рис. 2, буква 35), можно предполагать, что этот *habitus* является местной колхидской формой *p*₁ псевдоиероглифического библского письма.

В надписи есть еще несколько таких букв, которые требуют особых замечаний. К этим буквам прежде всего относится *h*, наличная в первом сегменте, в самом начале строки. Видеть в ней вариант зеркальной *h* финикийского линейного письма того типа, что дана во второй строке текста в шестом сегменте надписи, едва ли возможно. Вместо одного горизонтального, параллельного верхней и нижней линиям штриха в интерпретируемой нами *h*, мы имеем три штриха, из которых средний самый короткий. Скорее всего эта *h*, как и *p*_к, относится к буквам собственно колхидского письма. В таблице IV, 5, буква 4, мы обозначили эту букву как *h*_к, т. е. *h* колхидская.

Весьма интересной оказывается с точки зрения ее *habitus*'а и стоящая слева после данной колхидской *h*_к буква *d*. В ней мы видим зеркальную *d* той формы, которая могла явиться переходной от псевдоиероглифического письма к линейному, если, конечно, имея в виду своеобразную форму и положение буквы, это не *d* собственно колхидского письма.

Весьма характерной в палеографическом отношении является в Майкопской надписи буква *c*(*s*) в четвертом сегменте надписи (см. у нас в табл. IV, 2, буква 23). Относимая нами к финикийскому линейному письму, эта *c*(*s*) по своему *habitus*'у весьма походит на *c*(*s*) надписи Иехимилка, датируемой XII веком до н. э., если ее представить в зеркальной форме ⁴⁰. Не исключено, однако, что в этом знаке мы можем иметь букву собственно псевдоиероглифического письма, обозначающую не *c*(*s*), а ее фонетическую звонкую разновидность (*dz*), ибо в Майкопской надписи, как это устанавливается из чтения ее текста, имеется диалектальная замена глухих консонантов на звонкие, например, *p* (*p*) на *b* (*b*). Наше предположение видеть в данной букве *dz* (= *z*) поддерживается весьма близкой к эпиграфическому знаку Майкопской надписи параллелью, данной И. Ш. Шифманом (ук. соч., стр. 17 под знаком *z*) в его сопоставительной таблице финикийского линейного письма с псевдоиероглифическим, поскольку колхидское письмо непосредственно связано с последним.

Наиболее разрушенными в надписи оказались *p* в лигатуре с *m*₃ и *g*₁, такое же *p* вне лигатуры в шестом и последнем сегменте надписи и *p*₁ в четвертом сегменте. У первых двух *p* близко проходившие друг к другу «каналы», вследствие разрушения «перемычки» между ними, слились в один, образовав подобие треугольника; у третьей — *p*₁ осталась целой только верхняя часть буквы, ее «головка», а «туловище» все выпало. Эти повреждения части букв отмечены нами на эстампаже штриховкой. У *š*₁ выпалась «зрачок» внутри «миндалины» буквы. Как мы говорили выше, визуально она просматривается плохо и на фотоснимке усилена. Повреждения других букв незначительны. Все они отмечены нами на эстампаже пунктиром (см. рис. 1).

³⁶ DBGr., табл. 11, g, рис. 32, строка 2, буква 3 сверху. У нас в табл. IV, 1, буква 41.

³⁷ DBGr., табл. 12, f, рис. 31, лиц. стор., строка 2, буква 1 слева. У нас в табл. IV, 3, буква 42.

³⁸ DBGr., табл. 9, рис. 28, строка 5, буква 2. У нас в табл. IV, 1, буква 43.

³⁹ См. выше. У нас в табл. IV, 4, буква 44.

⁴⁰ H. Jensen, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, B., 1958, стр. 266. У нас в табл. IV: Jehimilk.

Повторяемость букв надписи, несмотря на небольшой объем текста, довольно значительная. Из 38 буквенных знаков надписи 9 повторяются по два раза. К повторяющимся буквам псевдоиероглифического библского письма относятся: b_1 , h , z_1 , k_2 , m_3 , n_1 и n ; к буквам финикийского линейного письма: h , а к колхидским — n_k .

В целом Майкопская надпись колхидского письма обилием лигатур и буквенных соединений, собственной кодификацией букв в строке по сравнению с буквами уже известных нам псевдоиероглифических памятников Библа, наличием в тексте детерминативов типа хеттского иероглифического письма и другими своими оригинальными чертами должна быть отнесена с графической стороны к памятникам сложным и трудным. Раскрытие ее графической стороны явилось делом нелегким, граничащим в ряде случаев почти что с дешифровкой, но не менее трудным оказался и сам текст надписи, к интерпретации которого мы обратимся в дальнейшем.

Г. Ф. Турчанинов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

2

МОСКВА · 1966

Моей Свейлон' Тердм.
на память о дне
первой встречи

13 VII-68.

Т. III.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК КАВКАЗА*

3. *Определение языка и интерпретация смысловой стороны надписи.*
При определении языка и интерпретации смысловой стороны текста надписи важно, чтобы текст укладывался целиком в исторические, грамматические и лексические нормы предполагаемого языка надписи. Если интерпретатор этого достиг, он может считать задачу свою выполненной, а надпись прочтенной. Дальнейшая работа над текстом ляжет уже на аппарат аргументации, всецело зависящей от текста надписи.

В интерпретации текста Майкопской надписи колхидского письма мы во многом шли тем же путем, что и Э. Дорм в его дешифровке памятников псевдоиероглифического письма из Библа. Когда нам оказался ясным консонантный состав букв надписи, мы не стали доискиваться, какие гласные могли входить в те или иные, когда-то реальные слоги. В надписи нужно было найти опоры, которые могли бы послужить ключом к определению ее языка.

Прежде всего нам представилось, что поверхность камня не случайно разделена на сегменты. Мы допустили, что в каждом из них, по крайней мере, может содержаться одна фраза и что линии сегментов могут быть линиями фразоразделов. Это в дальнейшем оправдалось.

Это допущение помогло нам принять в четвертом сегменте надписи сочетание m_3z_3 , а вслед за этим и все словосочетание $l_2cm_3z_3$ за фразовый комплекс, в котором нашло себе соответствие абхазское народное лапамза «месяц Сева»¹. Разгадкой этого словосочетания определился, а в дальнейшем оказался и целиком оправданным язык надписи²,

* Продолжение. Начало см. в ВДИ, 1965, № 3.

¹ Он соответствует второй половине апреля и первой половине мая.

² Попытка интерпретировать надпись с позиций финикийского, а из местных — с позиций адыгского (черкесского) языка, не имела успеха. Поскольку текст свободно и хорошо уложился в абхазскую речь, мы не стали искать возможности читать его на каком-либо другом кавказском яфетическом языке.

а колхидское письмо надписи тем самым этнически конкретно закрепленным за древнейшими колхами-абхазами³.

Последующая работа над интерпретацией текста была нелегкой. Чтение по несколько раз исправлялось, менялось, восстанавливалось в прежнем понимании и опять изменялось и так до тех пор, пока текст не оказался предельно четким и ясным, отвечающим нормам письма и языка и назначению памятника⁴.

В первом сегменте надписи писец первоначально написал, как мы полагаем, фразу $h_k dm_3 r_1 nb_1$. В современном абхазском языке ей отвечает: ах, дыу (или ду) Мрн иоуп — «царь великий Мрн⁵ есть».

Это наше утверждение, как здесь, так и далее, отнюдь не означает, что звучание известных нам слов, о котором текст надписи почти ничего не говорит, было таким же, как ныне. Напротив, нужно думать, что оно было далеко не таким.

Написав фразу $h_k dm_3 r_1 nb_1$ — «царь великий Мрн есть», писец не удовлетворился ее содержанием. Почему, это станет ясным из текста второго сегмента. Он дополнил фразу вставкой, которую поместил в виде трех консонантов снизу вверх над начальной h_k первой фразы. Эта вставка транскрибируется как $j_1 z_1 t$ или точнее $\bar{i} z_1 t$, так как в данном случае писец применил *matres lectionis*, поставив j_1 вместо $\bar{i}$ (см. ниже). В нашей интерпретации этот грамматический комплекс сопоставляется с современной абхазской фразой: итәу «этот, кого собственность», resp. «этот, кому принадлежит». С этим дополнением первая фраза представилась в виде $\bar{i} z_1 t h_k dm_3 r_1 nb_1$ «этот, кому принадлежит, — царь великий Мрн есть».

Вероятно, и эта фраза показалась писцу недостаточно полной, ибо он счел необходимым сделать к ней еще одно маленькое, конкретизирующее ее добавление. Под личным именем царя $m_3 r_1 n$ «Мрн» он подписал «наш царь», поставив рядом с h — местоименным аффиксом x — «наш», вместо слова «царь» (совр. ах), заменяющий это слово детерминатив (см. табл. III, рис. 1 — см. ВДИ, 1965, № 3).

Этим дополнением была закончена работа писца над фразой, помещенной в первом сегменте. Теперь в целом она читалась: $\bar{i} z_1 t h_k d h$ детерминатив «царь» $m_3 r_1 n b_1$ «этот, кому принадлежит, — царь великий, наш царь Мрн есть».

Что же принадлежит царю, скрытому за трехбуквенным именем Мрн? Нам представилось, что такой собственностью может быть какая-то местность или какие-то сооружения, чертеж которых может быть запечатлен в небуквенных фигурах в центре плитки. Ответ на наш вопрос мы нашли во втором сегменте надписи, помещенном ниже изображения в центральной части камня.

В этом втором сегменте, после детерминатива «город» (см. табл. III, рис. 2) мы нашли словосочетание, которое транскрибируется как $'aht_4 b_1$. Размышляя над этим комплексом, мы пришли к выводу, что в нем заключены по крайней мере три слова. Сочетание букв $'ah$ обозначает название города, согласная t_4 с предшествующей ей, не обозначенной гласной i (= абх. и «его»), отвечает корню того же слова, что и в первом сегменте в сочетании $j_1 z_1 t$ ⁶, а согласная b_1 , как и в конце первой фразы в первом сегменте,

³ Колхида была полиэтнична. Этого вопроса в данном исследовании мы не касаемся.

⁴ В нашей работе по воссозданию абхазского текста Майкопской надписи колхидского письма мы постоянно консультировались на разных этапах работы, и в разных ее частях и в целом, с коренными абхазами: Х. С. Бгажба, С. В. Зухба, Ш. Д. Инал-Ипа, А. К. Кацна, К. С. Шакрыл, Г. З. Шахербай и другими. Во время консультаций ни у кого из нас не возникало никаких сомнений, что в надписи мы имеем дело с абхазским текстом, другое дело, как он звучал в живой речи колхов-абхазов в те отдаленные времена, к которым относится памятник.

⁵ Рассмотрение имен собственных Майкопской надписи нами отнесено ниже.

⁶ В комплексе $'aht_4$ и ниже в комплексе $w_k t_3$ для необозначенной гласной i (= абх. и «его») перед t_4 и w_k , мы ожидали бы знак j_1 , ибо i (= абх. и «его»), как показывает слово $j_1 z_1 t$ в первом сегменте, было долгим. Поскольку же знака i_1 перед t_4 и w_k нет,

отвечает глухому консонанту в современном абхазском существительном глаголе оуп — «есть».

Иначе говоря, во втором сегменте надписи помещена фраза: «детерминатив „город“ ³Ah (его) собственность есть». Фактически название города, как мы думаем, звучало ³A (i)ā, так как писец для ā (долгой) здесь воспользовался приемом *matres lectionis*, заменив ее консонантом h. Эта фраза свидетельствует о том, о какой собственности царя шла речь в тексте первого сегмента (подробнее о названии этого города см. ниже).

В третьем сегменте после детерминатива «правитель» (см. табл. III, рис. 3) вырезано двухбуквенное слово hz₁, обозначающее имя правителя. Далее следует опять двухбуквенное соединение, транскрибируемое как (i)w_k^t₃. В современном абхазском языке этому соединению, с нашей точки зрения, соответствует глагол иунт «его сделал» («его соорудил»). Детерминатив, имя и глагол образуют в целом фразу: «детерминатив „правитель“ Хз (его) сделал (его соорудил)». В надписи, как можно думать, разумеется правитель города, название которого в форме ³Ah (= ³A(i)ā) представлено во втором сегменте надписи.

Фраза в четвертом сегменте, которая частично была отправной при определении языка надписи и которая также частично приводилась нами выше, в целом транскрибируется l₂sm₃z₃k₂p₂. В современной абхазской графике она воспринимается соответствующей абх. ла́дамза кны (ныне говорят: ла́дамза азы) «в месяц Сева». Этот отрезок текста свидетельствует о том, в каком месяце сделал (соорудил) город правитель Хз.

В пятом сегменте, начиная сверху, справа налево, в две строки столбцом читается š₁w₃²w (= š₁ūgō или š₁ūgū) (см. ниже), затем в центре цифра 21 (20 + 1) и слева от нее k₁p₁. Этот текст в современной абхазской речи соответствует фразе: шықус 21 акны (ныне говорят: шықус 21 азы) «в год 21». Фактически, конечно, эпиграфическая форма š₁w₃²w (= š₁ūgō или š₁ūgū) не укладывается так просто в совр. шықус «год», как это представляется. Писец здесь в третий раз использует *matres lectionis*, передавая через waw последовательно долгие ū (ū) и ō (или ū). Более обстоятельно это слово разобрано нами ниже.

Если в предыдущем сегменте, как явствует это из текста, написано, в каком месяце сооружен город, то в данном сегменте указан год его сооружения: 20 + 1. Этот 21-й год является в то же время и годом царствования царя, имя которого проставлено в первой фразе надписи.

В шестом и последнем сегменте надписи, текст которого, как мы уже указывали, следует читать, повернув камень на 90° против часовой стрелки, в верхней части сегмента содержит следующую фразу: b^c детерминатив «страна» p_k (= bḡ детерминатив «страна» p_k, о чем см. ниже). В нашей интерпретации эта строка надписи может быть понята применительно к современному абхазскому языку лишь в ретроспективном плане. Разумеется, *Бḡаны, *resp.* * (A) bḡны «Страна Гор». Это слово ныне неизвестно, но легко восстанавливается в плане исторической лексики (см. ниже). Слово «страна», как уже говорилось выше, в надписи выполнено в смешанном написании: детерминатив (см. табл. III, рис. 4) сопровождается комплементом p_k (сопоставляется с совр. абх. -ны в том же значении).

Первая буква второй строки текста шестого сегмента — зеркальная h финикийско-го линейного письма — в нашем чтении этой строки отвечает слову, входящему в лексический комплекс, образуемый двумя последующими буквами pz. В целом звуковой комплекс hnpz по значению соответствует совр. абх. аханазара «самая окраина», «самый край» (букв. «голова окраины, голова края») ⁷.

нужно думать, что либо писец пользовался приемом *matres lectionis* непоследовательно, либо i (= абх. и «его») в это время начало уже терять свою долготу и могло спорадически выступать как недолгое. Последнее нам кажется вероятнее.

⁷ В эпиграфическом тексте надписи масдар (его совр. формант-ра) не нашел своего выражения (см. ниже грамматический разбор текста надписи).

2) *hd* — сопоставляется с современным абхазским *ахду* или *ахды* «царь великий», где *ах* «царь», *ду* или *ды* «большой, великий». Начальное *а-* основы в надписи не обозначено. По-видимому, в те времена была в ходу более древняя форма основы *х*, выступающая в таких композитах как *ахса* «царь апсов (абхазов)».

3) *h* + детерминатив «царь» (см. его в табл. III, рис. 1). При замене детерминатива абхазским словом «царь» сопоставляется с абх. *хах* «наш царь», где начальное *h* является местоименным приглагольным аффиксом (совр. абх. *х-*). В надписи это компонент при детерминативе «царь».

4) *Mgn* — собственное имя царя. Соображения по этому поводу см. ниже.

5) *b* — сопоставляется с консонантом *-п* в форманте, образующем настоящее время существительного глагола «быть, существовать, находиться». Совр. абх. *оуп* ← *ауп*. В надписи встречается дважды и в обоих случаях в звонкой разновидности. По-видимому, это диалектальная особенность.

6) Хеттского типа детерминатив «город» (см. табл. III, рис. 2). Детерминатив заслоняет собой какое-то абхазское слово. Для города этим словом могло быть близкое к совр. абх. *(а)қыта* — «селение» (имеем в виду *кыта* у Стефана Византийского¹⁰).

7) *'Ah* (= *'A(i)ā*) — наименование города. Соображения по этому поводу см. ниже.

8) *(i)t* соответствует совр. абх. *иты* «его собственность». В надписи ожидалось бы *jt* (см. выше).

9) *b* — тот же элемент, что и рассмотренный выше.

10) Хеттского типа детерминатив «правитель» (см. табл. III, рис. 3). Какое абхазское слово заменял этот детерминатив в эпоху составления Майкопской надписи, сказать трудно. Может быть, это слово было чем-то вроде *(а)пыза* «вождь, главарь». Доминиканец Иоанн Лукский, посетивший Абхазию около 1625 г., писал, что тамошний ее владетель называется *Puso*¹¹.

11) *Nz* — собственное имя правителя (см. ниже).

12) *(i)wt* — в надписи ожидалось бы *jwt* (см. выше). Сопоставляется с совр. абх. *пунт* «его сделал». Перфект 3 л. ед. ч. от глагола «делать». Глагольный корень у (в надписи *w*), личный аффикс *-и-*, временной показатель *-ит*. Корень глагола в эпоху надписи, вероятно, звучал как сонант. Глагол в надписи использован в ныне неупотребительном значении «соорудил».

13) *lcmz* — в надписи композита. Сопоставляется с совр. абх. *лацмза* «месяц Сева», где *лаца* представляет собой отглагольное имя (срав. *лацара* «сеяние, сеять»), а *мза* — имя со значением «месяц» (как единицы времени). В совр. абх. форма *лацмза* совершенно понятна, хотя говорят и *лацарамза* в том же значении. Выше касаясь формы буквы *ц* в тексте надписи, мы высказали предположение, что в этом слове может быть была представлена не глухая, а звонкая аффриката *з* (дз) как диалектальная разновидность (ср. выше).

14) *kn* — сопоставляется с совр. абх. *послелогом* *(а)кны* «в». Во времена составления надписи *послелог*, вероятно, непосредственно примыкал к слову. Подобное употребление *послелогов* древнее *раздельного*. В современном абхазском языке при словах, обозначающих время, — «месяц, год» и т. п. — *послелог* *(а)кны* не употребляется. Его заменил *послелог* *(а)зы*. В кругу родственных языков *послелог* *кны* неизвестен и характеризует исключительно абхазскую речь, что весьма важно при определении языка надписи.

15) *šw'w* (= *šügō* resp. *šügū*) — в современном абхазском языке прямого соответствия себе не находит; имеет несомненное отношение к совр. абх. *шукус*, лит. *шыкус* «год». Наличие в этом слове надписи двух *waw* на месте предполагаемых гласных свидетельствует еще об одном случае применения *matres lectionis*. Вероятно, эпиграфическая форма *šw'w* произносилась как *šügō* или *šügū*. Не уточняя сейчас физио-

¹⁰ См. В. В. Л а т ы ш е в, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели, ч. 1, СПб, 1890 (далее — SC), стр. 262.

¹¹ Жан де Л ю к, Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, ЗООИД, XI, 1879, стр. 492.

логической природы звука, обозначенного нами через $\dot{g}$ (б), заметим, что в псевдопероглифическом письме, так же как и в финикийском линейном, графемой ϵ обозначались и глоточный звонкий и глубокозадненёбный согласные. Потеря долготы гласных и дальнейшая их редукция вылилась в лабиализацию предшествующего согласного с перераспределением последнего согласного во вторичный дифтонг. Образовалась форма $\dot{s}_0\dot{g}_0a$, в которой в дальнейшем первый глухой лабиализованный согласный, под влиянием последующего звонкого, озвончился, образовав комплекс $\dot{y}_0\dot{g}_0a$. Разновидность этого слова мы находим в современном абхазском слове жәәан «небо» и адыг. (н. черк). а-щыгъуэ «тогда», букв. в ретроспективном плане — в «а- (то) щыгъуэ (время)». В абх. жәәан необходимо выделить первооснову жәәа в значении «время» и, вероятно, * «год» и аффикс -н в значении «место». Первоначальное значение слова жәәан «небо», букв. «времени место» или «года место». Такое значение естественно, ибо «небо» и не только на первых порах, служило основным критерием в практическом определении счета времени. Наличная в надписи абхазская форма весьма интересна по своей связи с языком адыгов (черкесов). В более подробное обсуждение этих форм и их отношение к совр. абх. шыкус «год», мы в данный момент не входим. Для нас очевидным представляется тот факт, что абх. шыкус исторически является композитой, состоящей из компонентов шыку- и -с, и в последнем случае восходящим к слову са «малый, мелкий», как то осознается в раса «орешек» (при ра «орех»), псызса «рыбка» (при псыз «рыба»), но не осознается в слове «год», хотя для этого слова Н. Я. Марр отмечал форму шкуса при шкус¹². По-видимому, слово шыкус(а) в далеком прошлом означало какой-то «малый» цикл времени. Вопрос требует специального исследования.

16) 20 + 1 — цифра финикийского счета. В абхазском языке число 21 строится в той же последовательности: 20 + 1.

(17) kn — см. выше.

18) b «детерминатив «страна» n (= bḡ детерминатив «страна» n) — в современном абхазском языке прямого соответствия себе не находит, но легко восстанавливается по связи с другими словами абхазского лексического фонда. Корень bḡ(a) = (бḡа)¹³ в абхазской речи в давние времена обозначал «горный хребет, горы». Это значение вытекает из того, что в абхазском языке «горная коза» gesp. «самка тура» называется (а)-бḡацма, а «коза» (вообще) — (а)-цма¹⁴. По-видимому, значение слова бḡа «горный хребет, горы» было переносным. В прямом значении слово (а)бḡа сохранилось в значении «спина, хребет» (человека), откуда оно было перенесено на явления природы. Ср. аналогичные значения в адыгских языках: бгы «гора, горы» и бгы «пояснища, талия» или тхы «спина, хребет» и тхы «горный хребет» в составе сложных топонимических названий. Если к восстановленному нами сравнительным путем корню абх.* бḡа присоединить аффикс страны -ны, мы получим исторически реальную форму Бзаны gesp. (А)бḡны «Страна Гор». Так названа Абхазия в нашем памятнике. Мы предполагаем, что в надписи современный аффикс -ны имеет значение полнозначного слова «страна». На эту мысль нас наводит смешанное написание, т. е. употребление аффикса при детерминативе с тем же значением.

19) hnz — сопоставляется с совр. абх. аханазара «самая окраина, самый край». Эта композита состоит из слов: (а)хы ← (а)ха «голова» и (а)назара «окраина, край». В надписи отсутствует аффикс масдара -ра и аффикс -а в зачине слова, ныне имеющей значение отвлеченной общности.

20) kn — уже дважды встречавшийся в надписи послелог, здесь в местном значении. Сопоставляется с совр. абх. (а)кны «на». В этом местном значении послелог употребителен поныне. Предполагаем, что в надписи он в своей консонантной основе непосредственно примыкал к слову, которым управляет (см. выше).

Общий взгляд на грамматические реалии текста надписи при сопоставлении его с живым абхазским языком и языком фольклора в записи второй половины XIX и начала

¹² Н. Марр, Абхазско-русский словарь, Л., 1926, стр. 74 (а).

¹³ О передаче айном (с) глубокозадненёбного ḡ см. выше.

¹⁴ Къушхъ пцэн — «горная коза» называется «самка тура» и в адыгейском (н. черкесском) языке.

XX вв. позволяет отметить в памятнике такие особенные черты: а) показатель класса вещей и- в комплексе изтау в надписи имеет несвойственную ему сейчас долготу; б) консонантная основа аффикса, образующего формы настоящего времени существительного глагола «быть», при глухости ее в современном абхазском языке (-п) в надписи озвончена (-б); в) аффикс общности имени а-, даже в тех случаях, где он ныне стабилизировался и не воспринимается как аффикс, в надписи не отражен, хотя у писца к этому были полные возможности. Вероятно, аффикс общности в эпоху составления надписи был еще неупотребителен или употребителен весьма ограниченно; г) форма масдара (формант -ра), судя по слову *huz* (совр. абх. ахана́зара) не употреблялась; д) послелог *kp*, соответствующий совр. абх. (а)кны, употреблялся безразлично как для обозначения времени, так и места. Ныне для обозначения времени употребляется послелог (а)зы; е) в употреблении послелогов, вероятно, преобладала тенденция к слитному их написанию с именем, которым они управляют, поскольку не было формы общности имени с аффиксом а-; ж) современный аффикс места при обозначении стран -ны, вероятно, был самостоятельным полнозначным словом со значением «страна»; з) как показывает надпись, в абхазском языке того времени, кроме долгого и- (см. выше), были в ходу долгие гласные у, о, а, в дальчайшем либо потерявшие долготу как и-, -а, либо редуцировавшиеся как -у, -о (см. выше); и) наблюдается небезыntересная архаичность в области синтаксиса. К. С. Шакрыл обратил наше внимание на то, что в современном абхазском языке синтаксический комплекс изтау (эпиграф. *jzt = ȳzt*) во фразе первого сегмента ныне употребляется не в ее начале, а в конце.

Не исключена возможность, что лингвисты-абхазоведы обнаружат в надписи и некоторые другие особенности, нами не замеченные.

В целом язык Майкопской надписи колхидского письма, несмотря на значительную давность, не настолько отдален от современного, чтобы его при некотором усилии нельзя было понять. Эту исключительную сохранность форм языка мы относим за счет структуры абхазского языкового корня. В абхазском языке слово во многих случаях оказывается прозрачным по составу образующих его компонентов, а несколько тысячелетий тому назад это явление несомненно было более ощутимым. Слово- и формообразующие компоненты языка упорно отстаивали себя и туго шли на стирание. Это явление обеспечивало стабильность в структуре речи.

Таковы наши соображения в отношении грамматической интерпретации текста.

5. *Собственные имена надписи.* Значительная временная давность Майкопской надписи, при отсутствии каких-либо других данных, создает большие трудности в интерпретации ее собственных имен.

Абхазская изустная история не сохранила нам совершенно никаких сведений, даже в легендарной форме, о событиях и именах, которые засвидетельствованы надписью. Поэтому наши соображения будут весьма проблематичными.

Из трех собственных имен надписи только в отношении двух мы можем предложить наши соображения. Этими именами являются: имя царя Страны Гор — Мри и название города Ах (-А (и) ā). Оба имени в надписи, как мы помним, даны в лигатурах-монограммах.

Нам кажется, что надпись в части обоих имен как-то связана с той отдаленной эпохой из истории Колхиды, когда о ней сложилась занимательная греческая легенда, созданная посетившими Колхиду греческими мореходами, именуемыми аргонавтами.

Нам неизвестно реально то время, когда могло произойти это событие, ибо уже в гомеровской Одиссее, создание которой исследователи относят к VIII—VII вв. до н. э., рассказ о мореходах-аргонавтах существовал как легендарное событие прошлого.

Из Одиссеи впервые мы узнаем, что колхидский царь Эт (Αἰήτης) имел своим отцом Солнце (ἥλιος), а матерью Персу (Πέρση), дочь Океана (SC, стр. 300).

Около 700 г. до н. э. этот миф о богосолнечном происхождении царя Колхиды повторил в своей Теогонии Геспод (SC, стр. 318), а вслед за ним ряд других писателей классической древности.

Аполлоний Родосский (середина III в. до н. э.) со своей «Аргонавтикой» был пер-

вым автором, который воплотил легендарную историю похода мореходов-аргонавтов в цельное поэтическое произведение, используя все доступные ему источники и силу своего воображения и таланта (SC, стр. 412—424).

В многовековом, переходившем из уст в уста предании, миф о божественном происхождении колхидского царя нам представляется интересным с той стороны, которая дала право географу I в. н. э. Страбону в его критическом разборе мнения Дмитрия Скипсейского (II в. до н. э.) о походе аргонавтов заявить: «...клянусь Зевсом — отдаленное странствование (Ясона), подобно Одиссееву и Менелаеву, принадлежит к числу (фактов), засвидетельствованных еще ныне существующими (памятниками) и удостоверенных голосом Гомера. У Фасида показывается город Эя, царствование Ээта в Колхиде считается достоверным и это имя у туземцев является народным» (SC, стр. 94—95). Последняя фраза из только что приведенного утверждения Страбона нам представляется особенно интересной. Если царствование Ээта в Колхиде считалось в I в. н. э. достоверным, а его имя считалось у туземцев народным, то, вероятно, и имя отца Ээта, именуемого «Солнце», следует считать не менее достоверным и народным, чем имя сына. Имя отца Ээта, царя Колхиды, как мы знаем из греческой легенды, было обожествлено. Но кем?

У абхазов издавна существовал обычай наделять особо почитаемых людей в знак уважения к ним и за заслуги сверх существующего обычного имени, каким-либо вторым, имеющим значение эпитета. Имя «Солнце-бог», по-видимому, и было таким вторым именем царя — отца Ээта. Мореходы греки, посетившие Колхиду, т. е. древнейшую прибрежную Абхазию, восприняли это почетное имя в силу присущих им религиозных представлений как теофорное имя. Так родилась легенда о божественном происхождении царя из династии Фасианидов¹⁵.

Не исключено, что данное, второе имя царя было его тронным именем и в этом смысле являлось *nomē sacrum*¹⁶.

Присматриваясь с позиций абхазской речи и этнографии к эпиграфическому имени царя Майкопской надписи — Мрн, мы должны констатировать, что оно целиком укладывается в значение «Солнце-бог», если представить его с огласовкой в такой форме как Мран. В дальнейшем, на более позднем этапе своего существования, это абхазское имя во вторичной форме Амран, геср. Амиран, выявилось в фольклоре осетин и грузин.

Акад. Н. Я. Марр в 1916 г. писал: «Само имя Амиран, собственно А-тәга или А-тәг, представляет абхазское название „солнца“ а-тга или а-тәг, как последнее появляется в сложных абхазских словах. Из абхазских языковых материалов наметилась возможность осветить ряд подробностей в мифе, впоследствии сказании о солнце-герое... «Это на самом деле, — говорил он далее, — есть одно из древнейших яфетических сказаний о боге Солнце, превратившемся в героя»¹⁷.

Мы не намерены заниматься здесь анализом мифа об Амиране, требующем специальных разъяснений и разысканий, но не можем не отметить, что эпиграфическое имя Мрн или, как мы его интерпретировали Мран, является, по-видимому, тем же самым именем, что и Амран, но в более древней и тоже абхазской форме.

Однако акад. Н. Я. Марр, совершенно справедливо заметив, что имя Амран содержит в себе нарицательное абх. а-мра «солнце», не разъяснил конечного -н собственного имени. А между тем это конечное -н является непременным элементом как нашего эпиграфического имени Мрн (Мран), так и фольклорного эпонима Амиран.

Прежде всего следует заметить, что в абхазском слове а-мра «солнце» начальное а- является аффиксом неопределенной общности слова. В форме единичности — мрак — и в собственном имени этого а- не будет. Собственное имя само по себе определено и кон-

¹⁵ И. А. Джавахишвили, История Грузии, Тифлис, 1906 (на груз. яз.), стр. 13.

¹⁶ Проф. И. М. Тронский при ознакомлении с нашей работой, в связи с данным фактом, заметил, что традиция контрагирования священных собственных имен, как оказывается, имеет куда более древние корни, чем это было установлено Людвигом Траубе (L. Traube, *Nomina sacra*, Münch., 1907).

¹⁷ Н. Я. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, стр. 144.

кретно. Отсюда первым компонентом эпитафического имени Мри следует предположить Мра, а во втором видеть первичный корень-основу н- «бог» как она сохранилась в таком слове, как (а)-ныхэара «молитва», букв.: (к) ны — «богу» — хэара — «просьба» (при слове а-н-цэа — «бог», собств. «боги», ибо в нем -цэа является утратившим свою функцию показателем множественности)¹⁸. При таком положении эпитафическое имя Мри с предполагаемыми огласовками в своей древнейшей форме, по-видимому, звучало как Мгап, может быть, Мугап «Солнце-бог».

Воспроизводя эпитафическое имя Мри в форме Мран «Солнце-бог», мы отнюдь не намерены непременно отождествлять его с именем царя «Бога-Солнца», отца Ээта из греческой легенды об аргонавтах. Мы указываем только на вероятную возможность проникновения эпитафического имени Мри «Солнце-бог» в греческую легенду, поскольку такая возможность возникает как по времени, так и по возможности знакомства мореходов-греков с Колхидой конца II тыс. до н. э., когда в ней царствовал абхазский, он же колхидский, царь Мри, засвидетельствованный нашей надписью.

При нашей интерпретации имени абхазского царя Страны Гор — Мри как Мран «Солнце-бог» и при вероятной связи этого имени с именем отца колхидского царя Ээта, называемого «Солнце» (ἥλιος), закономерно хочется связать название города нашей надписи Ах (= А(и)ā) с именем царя Ээта, сына Солнца. Во всех существующих источниках имя царя Ээта в греческом письме представлено в форме ионийского диалекта как Αἰήτης, за исключением Пиндара, где мы имеем форму Αἰήτας. Писатели были связаны традицией с Гомером, где впервые нашла свое отражение легенда о плавании аргонавтов в Колхиду. Ээт, как известно по этой же легенде, основал в Колхиде город, носивший его имя. У авторов классической греческой древности этот город именуется Αἶα.

Никто из древних авторов, так или иначе интерпретировавших легенду о плавании аргонавтов в Колхиду, кроме Стефана Византийского (VII в. н.э.), не задавался вопросом, почему основанный Ээтом город называется Αἶα при имени его основателя Αἰήτης. В своем «Описании племен» Стефан Византийский, объясняя название этого города, пишет: «...кажется, наоборот от имени города образовано имя Ээта: как от Ἀσία—Ἀσιάτης, так от Αἶα—Αἰάτης и Αἰήτης» (SC, стр. 253). Это замечание Стефана Византийского нам представляется интересным в том отношении, что с позиций абхазской речи личное имя колхидского царя Αἰάτης или Αἰήτης предстает перед нами как сложное слово местного происхождения, лишь случайно совпавшее с греческим, образованным по нормам греческого словообразования. Исходя из абхазского языка в этом имени Αἶα- или Αἰή- является корнем, а -της или -τας) аффиксом.

Приведенные выше данные с учетом того, что резчик в надписи и здесь воспользовался в тексте приемом *matres lectionis* и через h передал а долгое, дали нам основание восстановить эпитафическое название города 'Ah в форме 'A(i)ā, а собственное имя колхидского царя Αἰάτ-(||Αἰήτ-) понять как царь Эайский (или Ээйский), ибо эпитафическое t, стоящее в нашей надписи после имени города, как мы уже выше указали, соответствует абхазскому слову тэы «собственность», используемому и в образовании имен прилагательных от существительных (ср. абх. аабитэы «отцовский», абнатэы «лесной» и т. п.¹⁹).

Трудно сейчас сказать, какое значение имел корень слова 'A(i)ā, судьба исконных долгих гласных в абхазском языке нам неизвестна. Не исключено, что это имя было заимствованным и по-абхазски не этимологизировалось. Отсюда в греческой легенде об аргонавтах эпигр. абх. Мран «Солнце-бог» было переведено как ἥλιος, а 'A(i)ā и 'A(i)āt остались без перевода. Восприятие имен из абхазского было не механическим, что в частности видно по перемещению долготы в эпигр. 'A(i)ā, в греч. эпич. Αἶα. Не исключено, что греки этимологизировали местное слово, поставив его в связь с др. греч. ион. αἶα «земля».

В этом факте, как и в факте объяснения имени царя Мри, мы не пытаемся непременно видеть в эпитафическом названии города 'Ah (= 'A(i)ā) эпические Αἶα и Αἰάτης

¹⁸ Д. И. Гуля, История Абхазии, I, Тифлис, 1925, стр. 224—226.

¹⁹ П. К. Услар, Абхазский язык, Тифлис, 1887, стр. 82—83.

или Αἰήτης легенды об аргонавтах. Совпадение, как и в первом случае, могло быть случайным. Но не слишком ли много совпадений и случайностей в тексте такой небольшой надписи, как наша Майкопская? Не правомернее ли все-таки думать, что в именах Мри и Ах = (А(и)ā) нашли отражение реальные исторические лица и события абхазской истории, унесенные греческими мореходами конца II тыс. до н. э. из Колхиды в пределы эллинского мира? Лично мы склонны к этой мысли.

В этой мысли нас укрепляет еще один факт. Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике», сообщая, явно по Геродоту, о происхождении колхов от египтян, писал: «Эя (Αἶα) еще и ныне стоит твердо, и (в ней живут) потомки тех людей, которых он (египетский царь. — Г. Т.) посадил жить в Эе; они сохраняют сделанные в табличках (ἱερβίαις) записи своих отцов (γραπτὺς πατέρων), в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников» (SC, стр. 422; перевод уточнен нами). Поскольку во времена жизни Аполлония Родосского таблички с записью рассматривались как произведения отцов, т. е. предков, нет никаких сомнений, что речь идет о наличии у жителей Эи (Αἶα) старой письменности.

Находка плитки с письменами, носящей в нашей интерпретации имя, аналогичное имени города греческой легенды, оказывается как нельзя к месту.

Локализация города Αἶα (Эи Колхидской) по греческим источникам неясна. Схолиаст Аполлония говорит, что «она лежит на краю населенной (земли)» (SC, стр. 427). Как бы ни понимать это утверждение, но оно совпадает с местонахождением города Ах (=А(и)ā) нашего памятника, поскольку в тексте надписи сказано, что он был сооружен «на самой окраине Страны Гор». По-видимому, в нашей плитке с надписью следует признать одну из тех табличек (ἱερβίαις) с записью предков (γραπτὺς πατέρων), о которых знал Аполлоний.

Грузинский востоковед акад. Г. А. Меликишвили, рассматривая это место из «Аргонавтики» Аполлония Родосского в плане событий соответственного времени, совершенно справедливо заметил, что «...эти записи (т. е. γραπτὺς πατέρων. — Г. Т.) скорее всего нужно рассматривать как принадлежащие к древнеколхидскому царству — современнику древневосточных государств»²⁰.

Раскрытие звучания третьего имени — имени правителя, скрытого за буквами Хз (или может быть Хз) пока не реально. Даже для самых общих рассуждений у нас нет никакой опоры.

В заключение этого раздела хотелось бы сказать, что если говорить о хронологической связи двух истолкованных нами эпиграфических имен Мри (Мран) и Ах (А(и)ā) с такими эпонимами и топонимом греческой легенды об аргонавтах, как царь «Солнце» (*Нλιος), царь Эат (Αἰήτης) и город Эя (Αἶα), то представленное в надписи событие придется признать во времени предшествующим плаванию легендарных греческих мореходов-аргонавтов.

Абхазский, он же колхидский царь Мри (Мран) «Солнце-бог», нашедший себя в имени царя «Солнце» (*Нλιος) греческой легенды, по надписи оказывается еще здравствующим. На отдаленной окраине своего Колхидского царства, именуемого Страной Гор, он возводит на 21 году царствования город, одноименный имени его наследного сына Эата (Αἰήτης).¹

Насколько верна, с учетом всех оговорок, изложенная нами интерпретация этих собственных имен надписи, покажет будущее. Новые археологические находки, на которые мы надеемся, и мнения ученых, которые возникнут в развитие или в противовес нашим взглядам, внесут свою лепту в этот вопрос.

6. *Датировка надписи.* Датировка сопряжена с большими трудностями. Надпись является пока что единственным памятником колхидского извода псевдоиероглифического библского письма на территории Кавказа, притом памятником своеобразным. Сопоставлять его ближайшим образом не с чем. Однако, несмотря на единичность надписи, относительная датировка ее нам представляется возможной.

²⁰ Г. А. М е л и к и ш в и л и, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 215.

Первым фактом, способствующим датировке, с нашей точки зрения, является, то, что надпись, кроме знаков собственно псевдоиероглифического библского письма, содержит в себе несколько букв финикийского линейного письма. К числу псевдоиероглифических буквенных и небуквенных знаков, включая сюда и особые колхидские, нами отнесено 35—36 из 40, к финикийскому линейному письму 4 (может быть, 5) знаков. В отношении к наличным в надписи знакам псевдоиероглифического письма последние составляют 11—14%.

Древнейшими известными нам памятниками финикийского линейного письма являются надписи Абдо, Шафатваала, Йехимилка и библского царя Ахирама. Они датируются в настоящее время XIII—XII веками до н. э.

Поскольку в нашей надписи преобладают знаки псевдоиероглифического письма, а линейное представлено лишь четырьмя, может быть, пятью знаками, мы должны нашу надпись, даже с учетом ее периферийности, отнести к ранним.

Следует обратить внимание на то, что в дважды засвидетельствованной в Майкопской надписи зеркальной букве h линейного письма, в одной из них верхняя и нижняя горизонтальные черточки соединены с верхним и нижним концами вертикальной черточки, а в другой выходят за нее незначительно, как то оказывается в обоих случаях и в h надписи библского царя Ахирама, и что зеркальная с (š) нашей надписи, даже если эта буква псевдоиероглифическая, почти целиком фиксирует с (š) надписи Йехимилка. Палеографическую особенность этих букв Майкопской надписи мы считаем важной для ее датировки.

Если сюда добавить t из первого сегмента надписи и b из шестого сегмента, также близкие к надписи Ахирама, то количество данных к датировке нашей надписи привлечением букв финикийского линейного письма увеличится.

По-видимому, надпись следует датировать по палеографическим данным примерно XIII—XII веками до н. э.

Вторым фактом, способствующим примерной датировке надписи, является наличие в ней хеттского иероглифического типа детерминативов. Древнейшие хеттские иероглифические памятники, относимые исследователями к XIV—XIII вв. до н. э.²¹, были обнаружены в восточных провинциях Хеттского царства, а эти восточные провинции ближе всего соприкасались с Кавказом. Как мы пытаемся показать ниже, именно с этими восточными провинциями Хеттского царства были знакомы абхазы-мореходы и отсюда могли вынести хеттскую иероглифическую детерминацию. Поскольку хеттские иероглифические памятники X и более поздних веков до н. э. обнаружены уже на территории Северной Сирии, можно думать, что наш памятник, исходя из общих данных и применительно к хеттским иероглифическим памятникам восточной части Хеттского царства XIV—XIII вв., правильно датировать, с учетом периферийности и самостоятельности колхидского письма, XIII—XII веками до н. э.

И, наконец, третьим фактом, несколько помогающим датировке Майкопской надписи, является, с нашей точки зрения, наличие в ней абхазских собственных имен Мрн и А(и)ā, удивительно совпадающих с именами бога «Солнце» (ἥλιος), города Эя (Αἶα) и царя Ээта (Αἶττης) в мифе о походе греческих мореходов-аргонавтов в Колхиду.

Этот миф, как известно, впервые нашел свое отражение в гомеровской Одиссее, относимой исследователями к VIII—VII вв. до н. э. Следовательно, наша надпись, с точки зрения наличных в ней интерпретированных нами собственных имен, не может быть моложе этой даты, а старше ее, ибо в ней царь Мрн «Солнце-бог», ἥλιος греческой легенды, оказывается живым лицом, царствующим 21-й год.

Античная традиция связывала поход аргонавтов с Микенской эпохой. В «Хронике» Евсевия Кесарийского (264—340) посещение аргонавтами Колхиды отнесено к последней четверти XIII в. до н. э. Если даже в синхронистической схеме Евсевия эта дата несколько архаизирована, все же при самых скромных расчетах мы должны датировать греческую легенду с ее царем Ээтом никак не позже, чем XII веком до н. э. Только

²¹ И. Ф р и д р и х, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961, стр. 98.

при таком положении можно как-то согласовать данные палеографического и графического порядка нашей надписи с данными фольклористическими и историческими, пусть в последнем случае даже легендарными.

7. *Заключение.* Сказать что-либо большее относительно Майкопской надписи колхидского письма, чем сделали это мы в нашей статье, до производства основательных и систематических археологических раскопок на месте находки не представляется возможным.

Непреложным и исключительным по важности оказывается сам факт обнаружения надписи псевдоиероглифического библского письма местного извода на Северо-Западном Кавказе независимо от того, будет или не будет признана наша языковая интерпретация надписи.

Исходная принадлежность письма надписи к псевдоиероглифическому библскому письму и абхазский язык надписи нам представляется совершенно безусловным.

Кавказ, точнее Северо-Западный Кавказ, автохтонность древнейшего населения которого в свете новых археологических данных является несомненной, оказывается вовлеченным в круговорот древнейшего периода истории Ближнего древнего Востока.

Если найдена надпись, значит письмо надписи было известно каким-то кругам колхов-абхазов. Если письмо было известно, то на нем должны были не только писать, но и читать его. Сколь широко был распространен этот факт, мы не знаем.

Текст Майкопской надписи в нашем, абхазском его толковании говорит о том, что надпись была памятно-строительная. Указание в надписи названия страны и имени царя, наличие имени правителя царя, построившего город, и, наконец, относительная дата сооружения самого объекта — все это говорит за то, что у абхазов того времени существовала определенная письменная традиция в обозначении документов, пусть даже эта традиция была занесена в Колхиду вместе с финикийским письмом. Для финикийского письма она типична. Отклонения от типического следует отнести за местный счет.

Претерпело изменение и само письмо Библа. Мы уже указывали на то, что оригинальная кодификация букв, лигатура, использование хеттского типа детерминативов и другие черты колхидского письма представляются нам местными чертами. Писец был вполне грамотен. За это говорит, кроме всего прочего, и использование им приема *matres lectionis* для обозначения первичных долгих гласных абхазского языка, существовавших в то время.

Вне сомнения, что для того, чтобы псевдоиероглифическое библское письмо приняло местную оригинальную и своеобразную форму, превратилось в колхидское письмо, — потребовалось некоторое время. Майкопская надпись производит впечатление именно такого хорошо утвердившегося письма и наличия длительной письменной традиции.

Поддерживает нашу надпись и Аполлоний Родосский с его сообщением о табличках (*κόρυς*) с записью отцов, которое мы приводили выше.

Какими путями могло попасть в пределы Северо-Западной Колхиды псевдоиероглифическое библское финикийское письмо, положившее начало письму колхидскому и что мог представлять собой колхидский город на самой окраине Страны Гор, т. е. на севере Колхидского царства, вот еще те вопросы, которые неизбежно встают перед исследователем Майкопской надписи.

Основным путем, которым могла проникнуть финикийская письменная культура в пределы Северо-Западной Колхиды, был морской путь. У нас нет достаточных исторических данных, чтобы говорить о весьма древних и постоянных морских связях финикийских мореходов с колхидянами и особенно, когда это касается мореходов конца II тыс. до н. э., но спорадические связи в этом направлении, как полагал акад. В. В. Струве, между Финикией и Колхидой в то время существовать могли.

Даже при всей предубежденности в отношении к Лукиану Самосатскому (II в. н. э.), как автору малонадежному, едва ли можно отнести только за счет голый фантазии его утверждение, что «(финикийцы) ездят не только в Понт или до Меотиды и Боспора (разумеется Боспор Киммерийский. — Г. Т.), но плавают по всем местам Эллинского и варварского моря (имеется в виду Понт. — Г. Т.); они ежегодно поздней осенью воз-

вращаются домой, обрыскавши все берега и все побережья» (SC, стр. 549). В каботажном плавании финикийцы были знакомы не только с малоазийским побережьем Понта, но несомненно и с крымско-кавказским. Иначе трудно представить себе, как могла очутиться псевдоиероглифическая библская финикийская письменность на северной окраине Колхиды. Едва ли финикийцы не были знакомы с гаванями и приморскими городами восточного побережья Понта. От Меотиды и Боспора Киммерийского до северных пределов Колхиды того времени, о которых упоминается в Майкопской надписи, оказывалось не так уж далеко. Не могли препятствовать этому знакомству и морские разбои, прбславленных в этом деле генихов. Финикийцы обладали кораблями более мощными, чем древние абхазы, а финикийские купцы были к тому же не менее опытными пиратами, чем генихи. Однако далее этих весьма общих предположений о связи Финикии с Понтом наши познания не идут. Может быть, наша Майкопская надпись, возбудив интерес к кавказско-финикийским культурно-историческим связям, будет способствовать интенсификации научных разысканий в этом направлении. Абхазы были в древности также неплохими мореходами. Акад. Н. Я. Марр, указывая на то, что абхазское слово *апра* «парус» заимствовано без каких-либо изменений грузинским, совершенно справедливо замечал: «...это уже имеет не только словарное, но реальное культурно-историческое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины... Абхазская речь и абхазские предания,— продолжает он далее,— полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем» (ук. соч., стр. 143). Исследовавшие эту интимную сторону общения абхазов с морем с исторической и этнографической точек зрения Ш. Д. Инал-Ипа и Г. А. Дзидзария убедительно показали, насколько абхазский быт и абхазский язык связаны с мореходством. Обилие специальных морских терминов, рожденные мореходством поговорки и топонимика, следы культа морского божества в образе быка уходят корнями в глубины абхазской истории²².

Не имея возможности излагать здесь эту интересную страницу из жизни абхазского народа, мы отсылаем читателя к исследованиям Ш. Д. Инал-Ипа и Г. А. Дзидзария. В них он найдет ответ на вопрос, как развивалось мореплавание в Абхазии в античный период и феодальную эпоху.

Что касается того времени, к которому относится наша надпись, то о мореплавании абхазов в этот период их истории мы не имеем никаких данных. Только косвенным путем мы можем заключать, что в каботажном плавании абхазы могли достигать малоазийского побережья Понта, по крайней мере в северо-восточной его части. Наличие в Майкопской надписи нескольких детерминативов, по форме и значению совпадающих с детерминативами хеттского иероглифического письма, говорит за то, что абхазы были знакомы с иероглифической письменной культурой Хеттского царства. Знакомство это произошло, как мы старались показать выше, не позже XIV—XIII вв. до н. э. Кроме основного морского пути, связывавшего Финикию с Колхидой, был и другой, сухопутный путь. Он шел из Малой Азии на Северный Кавказ через Закавказье. Однако этот путь, как указывают археологи²³, был преимущественно путем межплеменного обмена, действующего от племени к племени, от народа к народу. Письменная культура может, конечно, передаваться и таким путем, но тогда она должна оставлять какие-то следы на пути своего шествия. Следов этих пока что не обнаружено и поэтому кажется более вероятным признать путь непосредственного морского общения финикийян с колхами-абхазами и колхов-абхазов с малоазийцами — хеттами²⁴.

²² Ш. Д. Инал-Ипа, О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху, «Труды Абх. ин-та языка, лит-ры и истории», XXX, Сухуми, 1960, стр. 73—90; Г. А. Дзидзария, Из истории мореходства в Абхазии, «Труды Сухумского гос. пед. ин-та», XII, 1959, стр. 85—104.

²³ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 16—17.

²⁴ В последнем случае имеются в виду носители хеттской иероглифической письменной культуры, этническая принадлежность которых еще недостаточно ясна.

Каботажный путь финикиян в водах Понта в направлении к Меотиде, по нашему убеждению, пролегал вдоль западного и северного побережья. Поэтому представляется абсолютно не неожиданным тот факт, что первый и, может быть, самый старый памятник колхидского письма оказался найденным в пределах той территории Колхидского царства, которая составляла его северную границу. Этим самым мы отнюдь не хотим утверждать, что финикияне не плавали вдоль юго-восточного побережья Понта и что южнее памятников типа майкопского быть не может.

Город Ах (= А(и)ā), о сооружении которого говорит Майкопская надпись, лежал в долине р. Белой, значительного притока р. Кубани. Этой долиной через Белореченское ущелье и Белореченский перевал проходил один из древних путей, соединяющих предгорные кубанские равнины с Понтийским побережьем. По этому пути, как отмечено археологией²⁵, в VIII в. до н. э. прошла с равнин Северного Кавказа на юг, в Закавказье и Малую Азию часть полчищ скифов. Другая часть шла прибрежной меото-колхидской дорогой²⁶. Этим же белореченским путем, кроме меото-колхидской дороги, просачивались и прорывались на побережье Понта, по крайней мере с середины I тыс. до н. э., и зихские (адыгские) племена.

Как долго и точно где существовал город у северных «горных ворот» Колхидского царства, мы пока не знаем. Выяснить это удастся только путем систематических археологических раскопок. Несомненно одно — расположенный на пути из кубанских равнин в Причерноморье, он имел важное торговое и стратегическое значение. Рекогносцировкой, произведенной здесь осенью 1964 г. абхазо-адыгейской археологической группой в составе Ш. Инал-Ипа, М. Трапша, П. Аутлева и П. Дитлера, обнаружено древнее поселение, обещающее дать значительный исторический материал.

Непосредственных этнографических следов, относящихся ко времени пребывания здесь абхазов, уже не сохранилось, однако кое-какие следы языкового, топо- и гидронимического порядка, показывающие, как далеко на северо-запад проникал колхидский элемент, после соответственной работы над топо- и гидронимикой обнаружить здесь удастся. Река Белая, на которой находился город Ах (= А(и)ā) интерпретируемой нами надписи, называется по-адыгейски (н. черкесски) Шъхъэгущэ. Это название, как любезно нам сообщил весьма обязательный У. С. Зекох (Майкоп), в адыговедении представляет собой, как и многие другие, «уравнение со многими неизвестными». Оказавшись в весьма отдаленное время на берегах реки, именуемой ныне русскими «Белой», адыги (черкесы) восприняли и вместили в норму своей речи еще до них существовавшее здесь иноязычное туземное название этой реки, забыв со временем его значение и источник. В топо- и гидронимике такие явления довольно обычны и хорошо известны²⁷.

Путем кропотливых и длительных разысканий нам удалось установить, что адыгейское название р. Белой — Шъхъэгущэ восходит к абх. шъхагуашэ «горные ворота». Так, в далекой древности называлось то ущелье, а по нему и река, которое ныне именуется Белореченским, и которое, как мы уже говорили выше, было естественными воротами для проникновения с кубанских равнин в направлении к Закавказью.

Связано с абхазским и одно из старых названий р. Кубани, являвшейся в глубо-

²⁵ Н. В. А н ф и м о в, Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 9.

²⁶ Е. И. К р у п н о в, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 63—64.

²⁷ Так, например, едва ли кто из русских жителей поселка и станции Парголово под Ленинградом связывает ныне это название с финск. perkele — «черт, дьявол». Слишком далеко отошло русское «Парголово» в звуковом отношении от своего финского источника, чтобы это название можно было бы переводить «Чертово». Также едва ли кто-либо из жителей Таманского полуострова связывает ныне название Ахтанизовского лимана и одноименной станции на нем, со старым, уже забытым тюркским названием Азовского моря — Акътейиз «светлое, белое море», хотя в звуковом отношении название лимана и станции стоит к тюркскому его источнику значительно ближе, чем название поселка и станции Парголово к финск. perkele.

кой древности водным рубежом между землями предков адыгов-меотов и предков абхазов-колхов. Этим названием по Страбону и Птолемею было 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος.

Нам удалось доискаться, что гидроним 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος был образован, как местное название, по тому же типу что и абхазские бзыбские названия рек Мзым-та, Хаас-та, Мацес-та и др., в которых компонент -та является широко известным абхазским аффиксом со значением «место».

Как оказалось далее, в гидрониме 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος, являвшемся композицией, компоненты 'Αυτιχί-, 'Αττιχί- в свою очередь представляли собой варианты к местному самоназванию черкесов — «адыгэ» в грекоизированной передаче. След черкесского языка оставлен здесь гемминатой -тт-²⁸ и звуковым комплексом -υτ-. Вероятно, в отдаленные времена самоназвание адыгов звучало близко к «антыге», «аттыге». Если же это было так, то у нас есть все основания предполагать, что во времена Страбона и Птолемея (I—II вв. н. э.) Кубань в ее названии 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος воспринималась как «река адыгов». Историческая обстановка не противоречила этому. Адыги уже в обилии занимали берега Кубани.

Однако поскольку гидроним 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος был построен по абхазскому типу, мы вправе искать за этим эллинизированным и адыгизированным названием какое-то более древнее абхазское именование р. Кубани, снятое адыгской (черкесской) речью. Адыги и в данном случае приспособили к своему языку старое, до них существовавшее здесь абхазское название р. Кубани.

Каким оно могло быть? При решении этого вопроса следует учитывать, что, во-первых, между абхазами и адыгами в отдаленном историческом прошлом существовала некая языковая общность, в результате которой сложилась система звуковых междужычных корреспонденций, могущая помочь решению вопроса²⁹, во-вторых, что самоназвания народов (в данном случае разумеется термин «адыгэ», скрытый в гидрониме 'Αττιχί-τ-ος 'Αυτιχί-τ-ος) образуются, как правило, от наименования тех или иных мест: рек, ущелий, гор, равнин.

Опираясь на эти два положения, мы можем с достаточной вероятностью восстановить уже забытое абхазское название р. Кубани. Оно представляло собой производное от абх. а-з'ы'фы (<а-з'ы'фа) «быстрая, стремительная река» и в полной гидронимической форме звучало как *Азыфата (<*Азыфата)³⁰.

Осевшие еще до н. э. на берегах р. Кубани черкесы (адыги) переделали и это название, как название р. Белой, применительно к своему языку, этимологизировав его по самоназванию (ныне звучащему как «адыгэ»)³¹, которое было в свою очередь эллинизировано греками.

Продвигаясь к западу от р. Белой, в бассейне Кубани мы вскоре встречаемся с реками Марта и Абин, названия которых хорошо интерпретируются по-абхазски. Гидроним Марта интересен тем, что он содержит уже известный нам абхазский аффикс -та, и достаточно к оставшейся части названия мар- присоединить абхазский формант а-, чтобы в имени а-мар узнать вариант к бзыбскому амыр «солнце». Гидроним Марта, звучавший бы применительно к современному этапу в развитии языка *Амырта, так же стар, как и абх. гидроним Шьхагуашэ, скрытый за адыгейским названием Шьхьагуашэ — р. Белая.

²⁸ Г. Ф. Турчанинов, Древнейшая III в. н. э. адыгская (= меото-синдская) надпись на гемме из Краснодарского историко-краеведческого музея, «Уч. зап. Каб.-Балк. НИИ», XIX, сер. экон. и ист., Нальчик, 1963, стр. 213 сл.

²⁹ В данном случае имеется в виду соответствие адыг. д (т), абх. з (дз) типа: адыг. дыд «шило», абх.-заз||зыз; адыг. ды-гъу||ты-гъу «вор»; абх. -за-ы; адыг. ды-гъэ «шитье», абх. -за-х-ра и др.

³⁰ Не отсюда ли ведет свое начало этноним «джигет»-садз, одно из абхазских племенных названий?

³¹ При этом едва ли можно пройти мимо того факта, что убыхи и адыги называют абхазцев а-зыфа. Х. С. Бгажба видит в этом этнониме след бывшего абхазо-адыгского единства (Х. С. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, «Труды Абх. ин-та языка, лит-ры и истории», XXVIII, 1957, стр. 374).

Название р. Абин (Абын), на которой, по Птолемею, находился город Ἀβύν-ις, по-абхазски представляет собой производное от абх. абна «лес» (ср. абынхэа «вебрь», букв. «лесная свинья»).

По очевидным мотивам мы не можем в данном исследовании развернуть широкий показ топо- и гидронимов абхазского происхождения в левобережье р. Кубани. В действительности их здесь куда больше.

Для данной части нашего исследования нам важно остановиться еще на некоторых топонимах восточного побережья Понта, чтобы показать, насколько далеко заходила на северо-запад абхазская речь в этих местах задолго до н. э. Из трудов античных писателей начиная с VI в. до н. э. мы знаем, что в низовьях р. Кубани, на Тамани и на части территории восточного побережья Понта, включая современную Анапу и Новороссийск, помещалось Синдское царство, так называемое Σινδική.

Географ Птолемей сохранил нам интересное название одного населенного пункта на восточном побережье Понта, в непосредственной близости от Синдской гавани — это χωρὶς Σίνδα «деревня Синда».

Этот топоним интересен тем, что в нем после сонорного, в озвонченной форме дан тот же аффикс локального значения, что и -та, известный нам уже из названий рек³². Остаточный компонент слова син- представляет собой в греческой передаче, как это можно установить из сопоставления абхазского слова с адыгским, закономерное абхазское старое *шын в м-шын «море». В русской передаче топоним «Синда» означает собственно «морское место» или, иначе говоря, «селение Морское». Следовательно, сами синды это были «морские (приморские) жители», по этнической принадлежности — абхазы. Этот простой и весьма прозрачный факт важен нам потому, что по периплу Скилака Карниандского (IV в. до н. э.) «За меотами (живет) народ синды (Σινδοί); их область простирается и за пределы озера и города в ней эллинские следующие: город Фаногора, Кипы, Синдская гавань, Патус» (SC, стр. 85).

Мы обращаем внимание читателя на это место из перипла потому, что синды-абхазы, заселяя Тамань, где рядом с ними жили меоты-адыги, имели свои поселения и на противоположном Тамани крымском берегу. Мы имеем в виду деревню Акру (Ἀκρά) и город Китей (Κύται)³³.

Деревня Акра помещалась на Такильском мысу против Коракондамы. Напомним, что по-абхазски а-кра обозначает «маяк, мыс»³⁴, а Страбон причисляет акриев (называя их агриями), как и синдов к меотам, т. е. к народам адыго-абхазского языкового корня (SC, стр. 133).

Город Китей помещался в нескольких км от Такильского мыса (т. е. от Акры). И опять напомним, что по-абхазски кыта обозначает «селение» и что город с названием, аналогичным боспорскому Китею, имелся в Колхиде. Из него, по преданию, происходила Медея, дочь царя Ээта. От абхазского кыта произошло и название города Кутаиси³⁵, средневековой резиденции абхазских царей. Это утверждает нас в мысли, что абх. кыта могло служить названием города и в более отдаленную эпоху.

Древние абхазы были мореходами, и наличие их поселений и стоянок в северо-западном направлении, на подступах к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу), не кажется нам удивительным. У античных авторов бытовала даже версия об основании города Пантикапеи (Керчи) сыном колхидского царя Ээта (SC, стр. 264 и 197).

Мы сделали этот пространственный экскурс в гидро- и топонимику левобережья Кубани и восточного побережья Понта лишь потому, что некоторые исследователи истории Северного Кавказа не считают необходимым знать местные кавказские языки, не понимают того, что гидро- и топонимика является древнейшей летописью народов, но не

³² Этот локальный аффикс употребляется и при образовании топонимов.

³³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.— Л., 1949, стр. 179—183.

³⁴ Последнее значение совпадает с древнегреческим. Однако было бы весьма поспешным делать заключение, что это слово заимствовано абхазами у греков.

³⁵ Н. Я. М а р р, Из лингвистической поездки в Абхазию (к этнологическим вопросам), ИАН, 1913.

прочь выступать с широковещательными и голословными утверждениями о том, что абхазов на этой территории не было.

Для нас лично находка в урочище р. Белой, около Майкопа, надписи древнеабхазской речи не представляется исторической неожиданностью.

Именно эту топо- и гидронимическую летопись имел в виду акад. И. И. Мещанинов, когда в своем высказывании о Майкопской находке ³⁶ писал, что «памятник найден на исторической территории Абхазии».

Какой была конкретно культура создателей Майкопской надписи в конце II тыс. до н. э. и была ли связана она с майкопской и новосвободненской культурами рубежа III—II тыс. до н. э. на этой же территории ³⁷, покажет будущее. Ясно только одно, что если майкопская и новосвободненская культуры с полной очевидностью свидетельствуют о глубоком социальном расслоении в обществе местных горцев, повлекшем за собой сосредоточение в одних руках колоссальных богатств, то не будет удивительным, когда тысячелетием позже классовая дифференциация в обществе окажется здесь четко выраженной, о чем говорит текст Майкопской надписи в нашем ее толковании.

На этом мы позволим себе закончить наше исследование майкопской эпиграфической находки.

Мы далеки от мысли, что нам удалось разрешить все вопросы, связанные с данной находкой. В истории науки не было еще случая, когда памятник нового, доселе неизвестного письма, был прочтен с исчерпывающей, не оставляющей никаких сомнений, полнотой, первым ее интерпретатором.

Мы вступили на путь совершенно новых, до сих пор никем еще не исследованных фактов. Они приоткрыли нам новую, неизвестную страницу древнейшего периода истории Кавказа и Северо-Западного Кавказа и новую страницу в истории Ближнего древнего Востока. Многое еще не ясно, но на оказавшуюся в наших руках нить нужно накладывать не сомнения, а усилия по разысканию все новых и новых материалов и фактов ³⁸.

Только благородным рвением многих ученых — археологов, историков, эпиграфистов, филологов и этнографов — можно будет успешно решить проблему, поставленную перед нами Майкопской надписью.

Г. Ф. Турчанинов

³⁶ «Литературная газета» от 21 декабря 1963 г.

³⁷ А. А. И с с е н, Хронология «Больших Кубанских курганов», СА, XII, 1950, стр. 157—200 (там же литература вопроса); ОАК за 1897 г., СПб, 1900; ОАК за 1898 г., СПб, 1901; А. А. Ф о р м о з о в, Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае, «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961, стр. 39—72; А. Д. С т о л я р, Мешоко — поселение Майкопской культуры, там же, стр. 73—98.; А. А. Ф о р м о з о в, Каменный век и энеолит Прикубанья, М. 1965, стр. 64—158.

³⁸ Работая над Майкопской надписью, мы вспомнили, что четыре года назад в газете «Кабардино-Балкарская Правда» в № 244(9985) от 10 декабря 1960 г., в статье археологов П. Акритаса и Г. Ионе была дана прорись с надписи на обломке горшка из разграбленного кургана в с. Карасу на р. Черек-Безенгийский. Надпись по прориси, если она верна и если устранить из нее намеренно поставленные издателями между буквами запятые, следует отнести к тому же письму, что и Майкопская. Во всяком случае мы легко нашли в ней личное имя, то ли владельца сосуда, то ли мастера. К сожалению, приступить к исследованию этой надписи нам не пришлось. Несмотря на трехкратные письменные просьбы в адрес археолога Г. И. Ионе (Кабардино-Балкарский НИИ), в распоряжении которого находится карасуйская находка, мы не только не получили от него фотографии с надписи, но даже никакого ответа.

